

**ЖИЗНЬ
ДО и после
крещения**

10

бесед
с протоиереем
Геннадием
Фастом

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Благодарим издательство "**Никея**" за предоставленную для библиотеки электронную версию книги.

www.nikeabooks.ru

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ КРЕЩЕНИЕ

Москва • «Никея» • 2013

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви № ИС11-114-1505

ИСТОРИЯ О ТОМ КАК СОЗДАВАЛАСЬ ЭТА КНИГА

До начала регистрации на самолет оставалось не менее трех часов. Москва есть Москва, и сразу же отправиться в Домодедово казалось наиболее разумным решением. Но для чашки кофе перед дорогой у нас с отцом Геннадием все-таки нашлась минутка.

Мы — у кофейни. Мне пришлось припарковаться прямо под надписью «*Машины не ставить. Прием товара*» — больше мест не было. Седовласый, очень красивый священник, конечно же, привлек к себе внимание посетителей, а наше внимание привлек ланч: к кофе мы добавили два обеда. В ожидании заказа обсуждали пресловутую информационную войну, череду антицерковных репортажей в средствах массовой информации. За едой разговор продолжился, разумеется, не прекратился он и за чашкой кофе — время пролетело незаметно. Да и летело оно всего каких-нибудь сорок минут.

Машину свою я обнаружил намертво запертой маленьким грузовичком: происходил тот самый прием товара, о котором недвусмысленно предупреждала вывеска, запрещающая парковаться на этом месте. Узбеки споро заносили в подсобку коробки с какой-то снедью, постепенно освобождая пространство кузова, но, несмотря на их энтузиазм, было очевидно: нам ждать еще минут двадцать, не меньше. За работой азиатских братьев пристально наблюдал, подбоченившись, мужчина славянской наружности. Один мой знакомый величает людей такого типа «животами» или, более нежно, — «животиками». И этот эпитет очень точно характеризует человека с так называемым постсоветским мировоззрением.

При появлении «попа» (меня, видимо, он принял за «поповского водилу») его прагматический взгляд заиграл эмоциями — предвкушение морального возмездия над нарушителями правил.

— Долго ли еще грузить вам, братцы? — доброжелательно спросил я. — У нас, видите ли, регистрация в аэропорту совсем уже скоро начинается.

— О чем же вы думали, когда машину свою здесь парковали? — Слава Богу, что это был не какой-нибудь «мерседес». — Вон обносить теперь вас приходится, а мы тоже, представьте, спешим! — деловито отрезал распорядитель погрузки. — Ждите теперь. Машину отгонять не буду.

Почему-то мы не расстроились. Ну а что, виноваты же! Пошли себе спокойно и сели в автомобиль. Тут и возник разговор, ставший основой для этой книжечки о Крещении. Я задавал вопросы, отец Геннадий отвечал, а диктофон все исправно записывал.

Спокойствие и доброжелательность священника явно удивили «живота», что-то новое наметилось в выражении его лица. Узбеки же изначально чувствовали себя как-то неуютно, сконфуженно поглядывая на батюшку. Завязавшуюся беседу нам пришлось прервать практически сразу же, и вот по какому поводу. Азиаты не смогли-таки работать спокойно в несвободе своих совестей. Один из них, видимо старший, попросил у человека славянской наружности отогнать грузовичок и отпустить «запертого» батюшку в аэропорт, пообещав после этого нехитрого маневра погрузить все молниеносно, тем самым сохранив временной регламент. Тут уж распорядитель совсем размяк, он сразу же согласился, как-то даже удивленно

и растерянно. Через пару минут мы двинулись в путь, прямо на ходу записывая возобновившийся разговор...

Владимир Лучанинов

Многих сегодня волнуют вопросы: верить или не верить? а если верить, нужна ли для этого человеку Церковь? способна ли вообще какая-то организация помочь в спасении? стоит ли креститься? если креститься, то в православие ли? и что делать, чтобы Крещение возымело силу? Об этом и многом другом говорит протоиерей Геннадий Фаст, делаясь воспоминаниями о собственной дороге к православию.

Издание предназначено для тех, кто собирается принять Таинство Крещения, и для тех, кто, быть может, в чем-то сомневается, хочет прояснить что-то для себя, в большей мере осознать суть Таинства.

Каждая из десяти бесед представляет собой ответ на конкретный вопрос и освещает один из аспектов Крещения.

Цикл построен так, что читать его можно с любого раздела. Вместе с тем батюшка постепенно приоткрывает для нас, читателей, завесу между человеком и Богом, расширяя представление о Таинстве Крещения.

Первые два разговора — вводные, предваряющие; в них отца Геннадия спрашивают о самом наболевшем, о том, что часто может оттолкнуть людей не только от Церкви, но и от Бога вообще. В первой беседе с болью и любовью батюшка говорит о смысле страданий и тягот человеческих, стараясь предостеречь читателя от раздражения и обиды на все и вся. Во втором разделе, развивая известное высказывание протоиерея Валентина Свенцицкого: «Всякий грех в Церкви — есть грех не Церкви, но против Церкви», отец Геннадий касается того, как жить верующему в эпоху потребления, что делать, как себя настроить, кто поможет найти путь к Богу, почему Церковь остается Церковью в эти «сытые» времена.

Следующие семь бесед также посвящены дискуссионным и проблемным моментам, но уже имеющим прямое отношение к Крещению. Спрашивая и о самом простом, и о более сложном, что порою не приходит на ум, собеседник отца Геннадия достигает того, чтобы за вдумчивыми вопросами следовали глубокие ответы. Однако лишь в последней, десятой беседе выясняется то главное, о чем должен помнить каждый приступающий к Святой купели, и только

теперь и собеседник батюшки, и читатели осознают в полной мере, насколько Таинство Крещения может изменить жизнь каждого на земле.

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. (Мф. 11: 28)

Любящий Бог и страдающий мир

Верующий в эпоху потребления

Взрослые и дети перед Святой купелью.

Можем ли мы обещать Богу верность другого человека?

Гарантирует ли Крещение духовное и физическое благополучие?

Крещение: единожды или все-таки нет

Есть ли препятствия к принятию Крещения?

«Именем Моим будут изгонять бесов»: Крещение и экзорцизм в современном мире

«Даждь Ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23: 26), или Как Господь касается сердца человека и вводит Крещением в Свою Церковь

Я — свет миру (Ин. 8: 12): беседа о соединении со Христом

Любящий Бог и страдающий мир

— *Отец Геннадий, христианство учит нас тому, что Бог есть Любовь, что Он безмерно любит Свое создание, но сплошь и рядом мы видим непрекращающиеся страдания, причем нередко они начинаются с самого рождения, ведь некоторые люди рождаются инвалидами. Впрочем и здоровому человеку всю жизнь сопутствуют какие-то тяготы, в любой момент он рискует стать жертвой внезапной болезни или несчастного случая. Что можно сказать об этом? Как сочетать Божию любовь с реальностью, которая нас окружает?*

— Ваш вопрос древний как мир. Люди всегда задавали его. В составе Библии содержатся тексты, почти целиком посвященные этой проблематике, например Книга Иова Многострадального или Книга пророка Аввакума; тема страданий раскрывается в псалмах пророка и царя Давида и во многих других местах Священного Писания. Вопрос этот, конечно же, не перестает звучать и сегодня. Известны слова Федора Михайловича Достоевского о детских страданиях, нравственно перевешивающих все: весь мир не имеет смысла, если прольется хотя бы одна слезинка ребенка...

В этом вопросе содержится глубинная правда. Ведь Бог ни Иова, ни Аввакума не уничижил и не осудил, хотя они и вопрошали Его довольно дерзко, особенно Иов. Согласно древнему еврейскому преданию, Аввакум очертил круг и сказал, что не выйдет за его пределы до тех пор, пока Господь не ответит на его жалобу. То есть Богу он отводил роль ответчика.

Существуют две возможности: в одном случае этот вопрос зарождается в сердце гордом и надменном, которому никакой ответ и не нужен. Человек может быть подсознательно доволен тем, что обижен, а его обидчик — Сам Бог. Этим он как бы освобождает себя от ответственности и обязанности жить по Его заповедям. И действительно, зачем? Я несправедливо обижен, а обиженному можно все! Если вопрос исторгнут из такой души, печальна участь вопрошающего, ведь он руководствуется исключительно гордыней и обидой. И совсем другой случай, если сомнения искренни и рождены сострадающим сердцем.

Христианам изначально присуще чувство креста. *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой* (Мк. 8: 34), — призывает нас Спаситель. Личный крест человека — скорби и невзгоды, которые он несет, может оказаться и пожизненным. Есть кресты временные, неприятности могут сменяться радостями, но сам по себе личный крест — причастность человека страданиям — пожизнен.

Один крест может смениться другим, но некоторые кресты не сменяются никогда. Кто-то родился слепым и останется слепым на всю жизнь. Он никогда не насладится созерцанием полотен Сурикова или Левитана. Родившийся глухим никогда не оценит музыки Баха или Моцарта.

Если бы все ограничивалось нашей земной жизнью, налицо было бы неразрешимое противоречие, жестокая издевка над человеком. Но христиане, как, впрочем, и люди, исповедующие иные религии, знают, что жизнь вечна и отнюдь не замыкается на бесконечно малом отрезке пути, который мы проходим здесь и сейчас. И тогда все приобретает глубинный, вечный смысл. Только через вечность обретают истинное значение временные периоды, особенно если речь идет о периодах страданий.

А для чего эти страдания посылаются? Говорить об этом можно очень долго, тем более что нам, к сожалению, приходится рассуждать вместо Бога, домысливать за Него. Порой Господь таким образом предостерегает и отвращает нас от какого-то зла, способного, так же как и болезнь, сделаться нашим пожизненным спутником. Возможно, Господь удерживает нас от чего-то опасного, что мы могли бы совершить, располагая возможностями, которых ныне лишены.

Если обращаться к жизни и судьбе поколения моих родителей, то вопрос «за что?» встает во всей остроте. Сначала произошла революция, потом Россию постигло братоубийственное противостояние, вслед за ним начались раскулачивание и Большой террор, в результате которых четверть населения страны оказалась «врагами народа», затем последовала кровавая и истребительная война, потом — хрущевские разорения Церкви... Практически вся жизнь прошла под знаком преследований, репрессий, гонений и нищеты. Это поколение уже почти ушло, но, вспоминая его, я думаю: сейчас таких замечательных и сильных людей уже едва ли встретишь! Как мы ни стараемся, не получается у нас обрести те поистине бесценные качества, которые они специально и не приобретали. Эти качества просто были им свойственны, и именно в силу того, что людям выпало жить в очень трудные времена. Нам же с вами досталась относительно благополучная эпоха, не требующая каких-то особых духовных подвигов для того, чтобы сделаться хоть чуточку человечнее, внимательнее и добрее к окружающим.

Всякое лишение, всякая скорбь возмещается чем-то очень большим и важным. От многих воевавших мне доводилось слышать, что несколько месяцев, проведенных ими на линии фронта (а чаще всего там надолго не задерживались, до первого серьезного ранения), становились кульминацией и квинтэссенцией всей их жизни. Зачем, спрашивается, нужно было фронтовику Солженицыну восемь лет мучиться в сталинских тюрьмах и лагерях? Да затем, чтобы миру был явлен Александр Исаевич Солженицын. Если бы он не прошел через все эти страдания, у нас был бы еще один хороший школьный учитель — математик или историк, возможно, успешный советский писатель. Но в нашей истории и культуре возник гигант планетарного масштаба, и произошло это благодаря скорбям, через которые он смог пройти с мужеством и достоинством.

Случается и так, что страдает один, а крест приходится нести другому. Родился малыш с серьезным психическим недугом, а крест понесут его родители. Трудно сказать, что чувствует при этом он сам: переживает ли драму, связанную со своей ущербностью, или просто живет, не ощущая этого. Но мы знаем, что душа-то у него полноценная, лишь ее телесная оболочка искажена.

Самый выдающийся спортсмен в плохой обуви побежит медленно, испытывая при этом неудобство или даже боль. Из этого вовсе не следует, что ему нужно ампутировать ноги, — с ногами-то у него все в порядке, просто обувь никуда не годится! У людей с явными психическими нарушениями прекрасные, светлые души, но доставшиеся им тела таковы, что разум не может полноценно в них раскрыться. Однако в Царствии Божием мы, скорее всего, еще увидим их в небесной славе, потому что там уже не будет никаких болезней и печалей. Но нам, людям внешне нормальным, как бы парадоксально и, может быть, сурово это ни звучало, нужны и инвалиды, и скорби для того, чтобы научиться состраданию и не превратиться в инвалидов духовных.

Верующий в эпоху потребления

— *Отче, раз уж мы заговорили о поколении, которое ушло, о квинтэссенции человеческой жизни, раскрывающейся в критических ситуациях, то стоит заметить, что мы живем в сытые времена. Общественные, да и личностные приоритеты многих наших сограждан кардинально изменились. Мы стремимся стать наиболее потребляющей нацией, чему препятствует, пожалуй, лишь недостаточно высокий уровень наших доходов. Но зато при наличии достаточных средств — все только самое лучшее, мощное, «брендовое» и «пятизвездочное»... Это накладывает отпечаток на духовный уровень современных христиан.*

— Так было во все времена, и наша эпоха не исключение. Тот же компьютер и прочие блага цивилизации в определенном смысле уничтожают человеческую душу. При этом мы видим вполне благочестивых людей, которые охотно и, главное, продуктивно пользуются современными технологиями. Но это потому, что **они** пользуются технологиями, а не технологии пользуются ими, вот в чем разница!

Я еще в детстве слышал, как люди говорили, словно оправдывая кого-то: «Не грех иметь машину!» — потому что тогдашние верующие в большинстве своем все-таки смущались этим. Я помню, как один человек рассказывал, что они с женой купили новый шифоньер и он всю ночь заснуть не мог — боялся, что согрешил. Ведь и в старом шкафу одежда висела, и в новом точно так же висит. Спрашивается, зачем было покупать новую мебель? А деньги, коль скоро они появились, следовало бы потратить на что-нибудь более полезное, например, помочь тем, кто вынужден считать каждую копейку! И человек мучился своим поступком.

Да, можно иметь автомобиль, но автомобили не должны властвовать над нами. То же относится и к информационным технологиям — не они сами по себе уничтожают человека. К этому стремится все тот же древний змий. Он во все времена чем-то пользовался, теперь вот пользуется ими. Поэтому бороться с технологиями как таковыми — занятие не только бесперспективное, но и бессмысленное по сути.

В 1848 году по Европе прокатилась волна революций, во многом спровоцированных широким внедрением фабричных станков, вследствие чего на улице оказалось множество безработных, и люди принялись громить «стальных конкурентов». Сейчас такое и в голову никому не придет, наоборот, куда чаще сетуют по поводу безнадежно устаревшего оборудования. Но идея-то по существу не изменилась, не так ли? Недавно, еще и двадцати лет не прошло с тех пор, как некоторые православные всерьез утверждали, что компьютер — это зверь, порождение сатанизма. Теперь, конечно, никто уже так не скажет, хотя по-прежнему не подлежит сомнению, что, если человек вольно или невольно становится рабом чего бы то ни было, переставая быть рабом Божиим, он превращается в идолопоклонника. В наше время идолом становится не древний позолоченный истукан, а например, все то же виртуальное пространство.

— *В идеале пример того, как следует жить в обществе потребления, должны показывать христиане, и в частности священнослужители. Но и в Церкви люди не видят жизни по Евангелию, что становится серьезным препятствием на их пути. Нельзя же заставить человека закрыть глаза и не замечать грубости и ограниченности некоторых церковных работников или глубокого*

несоответствия многих священников образу новозаветного Пастыря Доброго... Нужен ли в таком случае современному «самодостаточному» человеку посредник в его общении с Богом?

— Еще древние говорили: «Не боги горшки обжигают!» Священнослужение предоставлено людям. И эти люди не выписаны с Луны или с Марса, или тем более из Рая. Они пришли в Церковь из наших семей. Это — наши братья, наши сыновья, наши ученики, соседи и коллеги. Я отнюдь не оправдываю существующее положение дел, а лишь говорю о том, что все мы — люди, воспитанные одним обществом.

Спору нет, священник должен соответствовать данному в Евангелии образу Доброго Пастыря. О моральном облике священнослужителя писал апостол Павел, многие святые отцы посвящали этой теме целые трактаты. Все это действительно так, но история христианства не знала времен, когда бы своему высокому призванию соответствовали все пастыри без исключения. Всегда находились служители Церкви, жизнь которых вступала в очевидное противоречие с евангельским учением.

Нередко такие люди весьма наглы и напористы, ведь зло агрессивно по своей сути. Человек, заряженный таким внутренним импульсом, в какой бы среде он ни оказался — в науке, в искусстве, в политике, в бизнесе или даже в Церкви, станет пробиваться к своей цели, интенсивно работая локтями. Безусловно, пастыри такого типа обращают на себя общественное внимание из-за несоответствия произносимых слов совершаемым делам. Одна из внутренних задач Церкви Христовой — самоочищение, стремление очистить себя от наемников, от злых пастырей. И Церковь с этим в любые времена как-то справлялась: иногда лучше, иногда хуже, но никогда — идеально.

Как быть человеку, пришедшему в Церковь и столкнувшемуся с такой ситуацией? Каким образом реагировать на нее? Это неприятно, это обидно, это больно... Один из возможных вариантов — плюнуть на все и отправиться куда угодно, лишь бы подальше от очевидного лицемерия, сказав себе: «И у них тут все не так, как надо!» Но что мы в результате приобретем? Возвращение в мир, где зло проявляется еще бесцеремонней и безудержней.

Другой вариант — все-таки взыскать Царства Божия и правды его, несмотря на то что служители Церкви действительно порой не соответствуют своему призванию. Не закрывать глаза, а преодолеть этот барьер! Ведь если быть до конца честным, то следует признать: многим на руку, чтобы, скажем так, батюшка был плохим. Часто в священнике сразу же пытаются найти какой-то изъян, даже еще не узнав его по-настоящему. Отчего это происходит? Да потому что незачем с грехами бороться и в храм ходить, коли попы сами такие плохие! И так-то не особенно хочется посещать службы вместо того, чтобы в воскресный день понежиться пару лишних часов в мягкой и теплой постели, но вроде как надо. А раз и в Церкви дела обстоят не лучшим образом, стало быть, появляется и оправдание для лени. Лукавое оправдание!

Людям же, ищущим Царствия Божия не на словах, а на деле, Господь являет необходимые им примеры, светлые и святые. Я бывал в разных странах, живу в России и видел очень много действительно добрых пастырей, с которых хотелось брать пример. Если ты стремишься увидеть Свет Христов в людях Церкви, то не заметишь его попросту невозможно.

Я служу в провинциальном городе и, честно говоря, ни одного плохого священника не знаю. Просто ни одного! Я вижу недостатки некоторых из моих братьев, прекрасно знаю о своих собственных, но человека, с которого можно было бы написать отрицательный образ священнослужителя, в нашем городе до сих пор не встретил.

Давайте будем честны перед собой: что ищем — то и находим, а с явлениями, порочащими Церковь Христову, безусловно, следует бороться. Но это уже — дело внутрицерковное, разумеется, если речь не идет об административных правонарушениях или тем более уголовных преступлениях.

Высокий духовный уровень священства — забота в первую очередь епископата и, конечно же, всего народа Божия, всей Церкви, потому что не епископы и соборы рожают нам священников, а тот самый народ, который потом проявляет недовольство и священниками, и епископами. Повторюсь: все они появляются на свет именно в наших с вами семьях!

Церковь — это не только священники и архиереи, это все мы — народ Божий, тот самый, постоянно и на всех углах кричащий о том,

как у нас в Церкви плохо. Потому что возмущенные в абсолютном большинстве своем — люди крещенные. Что ж, давайте очищать нашу Церковь! И начнем с себя, со своих семей, с вдумчивого евангельского воспитания наших детей, с интереса к приходским и епархиальным делам и участия в них.

Разумеется, Церковь должна самоочищаться. Очень плохо, если одни будут лишь указывать на действительные или мнимые несоответствия теории практике, а другие вопреки здравому смыслу, с пеной у рта доказывать, что никаких несоответствий у нас нет. Надо иметь мужество признавать свои грехи и учиться просить за них прощение, а главное — совместно искать пути преодоления всего того, что порочит Церковь и заслоняет от людей Свет Христов. Мы же, к великому сожалению, часто пользуемся церковным негативом только для того, чтобы обосновать свое отстранение от Царства Божия, используя пороки в Церкви для оправдания зла внутри себя.

Даже если к священнику не возникает ни малейших претензий, начинает звучать известное утверждение о неуместности какого бы то ни было посредничества между Богом и человеком. А действительно, зачем нужен посредник?

Мне выпала радость и печаль быть священником, и при этом меня же еще и спрашивают: «Зачем ты мне нужен? Я же и сам могу общаться с Богом!» Я отвечаю: «Какие проблемы? Господь везде, общайтесь! Что ж ты у меня-то спрашиваешь, раз я тебе не нужен? Ты же сам вроде бы определился в этом вопросе». Но раз человек пришел ко мне, пусть даже и по поводу этого вопроса, значит, видимо, зачем-то я ему все-таки понадобился. Хотя бы для того, чтобы поразмышлять над смыслом и целесообразностью моего существования...

Что означает понятие посредничества? Если говорить о христианстве, посредник в спасении человека только один — это Господь Иисус Христос. Но, с другой стороны, посредников, конечно

же, очень много. Мы не просто человеческие особи или монады, по отдельности созданные Богом или принесенные аистами. Мы — человеческий род, происходящий друг от друга, существа не только индивидуальные, но и социальные, выражаясь казенным языком. Мы живем в обществе, и ни в одном деле мы не можем обойтись без помощников. Ты хочешь открывать законы

природы? Иди и открывай. Вот природа, а вот ты — изучай ее и обнаруживай ранее не замеченные закономерности. Однако ты для чего-то сначала идешь в школу, затем учишься в университете, тебе необходимы соответствующие пособия, ты ищешь хороших наставников, способных вложить в тебя знания, подготовить тебя к будущей научной деятельности. Значит, посредники все-таки нужны. Да что там говорить, если и на этот свет мы приходим не сами по себе! Захотелось тебе жить, ну взял бы да и начал жить! Но для этого все-таки понадобились папа с мамой...

И наша религиозная жизнь в этом смысле не является исключением. Конечно, суть ее духовна, глубинна, интимна и внутренне сакральна, она протекает в сокровенной тайне, наедине с Господом. Но при этом кто-то должен дать нам своевременный добрый совет, кто-то должен научить молиться, кто-то должен просто адрес храма подсказать, а кто-то и священнодействие в нем совершить.

Вспоминается эпизод из Древнего патерика. Святость одного подвижника достигла такой степени, что преграды между видимым и невидимым мирами стали для него уже во многом исчезать. Ангелы сослужили ему за литургией, однако один из пришедших к нему гостей обратил внимание на то, что подвижник не точно произносит Символ веры, и указал ему на ошибку. Святой был человеком кротким, он внимательно выслушал гостя и поблагодарил за наставление. На следующей службе он читал Символ веры правильно, и ему снова явился Ангел. Подвижник недоуменно спросил у него: «Как же так? Ты каждый раз был здесь и слышал, что я ошибался. Почему же ты не поправил меня?» Ангел ответил: «На то не было воли Божией. Вы должны учиться друг у друга».

Да, с некоторыми людьми Господь говорит напрямую: Священное Писание повествует об Аврааме и Моисее, говоривших с Богом, о других пророках Божиих; апостолам довелось слушать Самого Иисуса Христа. Но кроме них почти все, в том числе и большинство великих святых, научались друг через друга. Не могут все быть первыми звеньями, цепочка-то длинная! Поэтому посредники, наставники на пути Господнем, конечно же, нужны. Митрополит Антоний Сурожский (1914—2003) в одной из своих проповедей произнес золотые слова: «Никто не уверует в Бога, если не увидит отблеск Царства

Божия на чьем-то лице». Вот в этом-то и заключается истинное, живое посредничество!

Отдельно следует поговорить о тех случаях, когда священник выступает посредником не только в научении, но и в сокровенной духовной жизни человека, например в Таинстве Исповеди. Несомненно, раскаяние перед Богом совершается в глубине души, где есть только ты и Господь. И там, в этих тайниках, зарождается и молитва, и покаяние, и желание стать ближе к Богу. Ты сокрушенно и искренне начинаешь просить у Господа прощения. Но что же происходит дальше? Неужели этим все и ограничивается? Кто-то ответит утвердительно: «Да, Бог тебя простил. Возвращайся к своей обычной жизни». Вот только будет ли это правильно — решать за Бога, простил Он нас или нет?

Может быть, если бы мы были бесплотными духами, на этом бы все и завершилось. Но мы люди: кроме души и богатого внутреннего мира каждому из нас дано тело, а значит, покаяние должно иметь и телесное выражение. Ну не могу я просто так покаяться, сидя за чашечкой кофе! Сама совесть свидетельствует о том, что все должно происходить иначе. Существуют определенные формы телесного выражения нашего раскаяния, например земные поклоны и пост. И это объяснимо, ведь грешили-то мы не только в душе. В душе грех зарождался, но грешили-то мы посредством тела!

Но все это еще не объясняет значения исповеди перед священником. Зачем все-таки она нужна? Практически каждый человек, в том числе и совсем нерелигиозный, ощущал потребность высказаться, излить кому-то свою душу. Выскажешься — и как-то сразу легче становится. Мы готовы сбросить груз с сердца даже перед совсем незнакомым человеком, иногда перед случайным попутчиком в поезде, общаясь с которым мы вдруг ощущаем родство душ. Эта психологическая потребность абсолютно проста и прозрачна: невозможно долго носить тяжесть содеянного и боль внутри себя. Поэтому если в своем раскаянии перед Богом человек замыкается на себе, его не оставляет ощущение того, что невысказанный грех остался вместе с ним. Ты можешь десятилетиями в нем каяться, но он будет по-прежнему отравлять тебя и никуда не уйдет. Надо распахнуть сердце и вышвырнуть его вон.

Отчасти эту душевную потребность помогает решить исповедь христиан друг перед другом. Апостол учит: *«Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться»* (Иак. 5: 16). Речь идет именно о взаимной исповеди в грехах как действенном средстве духовной жизни. Такая братская исповедь широко практиковалась в монашеской среде, когда старший брат, причем не обязательно священник, ежедневно принимал исповедание помыслов. В женских монастырях эту миссию исполняли матери-игуменьи. Великие подвижники христианства, преподобные отшельники Антоний Великий (ок. 250 — 356) и Макарий Великий (ок. 300 — ок. 390), подвизавшиеся в Египте, не были священниками, но при этом были великими знатоками человеческой души. И люди, конечно же, стремились открыть перед ними свои сердца. В среде афонского монашества эта духовная практика сегодня, как и в древности, занимает существенное место.

Но есть и еще нечто чрезвычайно важное. Я имею в виду отпущение грехов. Одно дело — раскаяние, а другое — молитва о согрешившем, свидетельство о его прощении и благодать, помогающая человеку победить в себе греховные склонности. И поскольку мы — существа духовно-телесные и индивидуально-социальные, то Господь дал апостолам власть отпускать наши грехи. *«Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин. 20: 22—23), — сказал Он ученикам в день Своего Светлого Воскресения.

Священнослужители, ставшие в Церкви благодатными преемниками апостолов, являются носителями дарованной Христом благодати отпущения грехов. И это очень важно для кающегося человека. Если мы верим Писанию, веруем в Церковь, основанную Христом, то значение священника как предстоятеля христианской общины становится для нас уже не просто душеполезным, а абсолютно незаменимым. Так установил Сам Господь.

Неужели кто-нибудь действительно полагает, что регулярно исповедующиеся христиане не имеют внутреннего общения с Богом, что у них нет Бога в душе, что они не могут напрямую общаться с Господом? Конечно же, иначе как абсурдным такое мнение никак не назовешь. Но благодать отпущения грехов, дарованная Церкви, — это не просто нечто механически происходящее во время исповеди в

силу совершаемых священником действий. Это — совокупность человеческих и Божиих усилий. Здесь и искреннее покаяние человека, и сострадание к нему священника, его молитва и душепопечительное наставление, и всепобеждающая любовь Божия. По собственному опыту я убежден: нет полноты прощения греха и освобождения от него без исповеди перед священником. Поэтому, будучи священником, я и сам испытываю нужду исповедоваться в своих грехах таким же священнослужителям, как и я.

Взрослые и дети перед Святой купелью.

Кто быстрее войдет в Царство Божие?

— *Батюшка, меня волнует вопрос, связанный с практикой крещения младенцев. С исповедью более или менее все ясно — это наше осознанное участие в Таинстве; в нем человек получает прощение грехов при условии сердечного сокрушения. Но прощение грехов является также важной составляющей Таинства Крещения, причем речь в данном случае идет обо всех грехах, совершенных человеком до его вхождения в Церковь. Как можно соотнести это основополагающее значение Таинства с общецерковной практикой крещения грудных младенцев, когда обеты за них произносят крестные, а их самих приносят к купели, лишая возможности осознанного вхождения в Церковь Христову в более зрелом возрасте?*

— Прежде всего следует сказать о том, что исторически существовали различные формы совершения Таинства Крещения. Христианская Церковь первых четырех веков не знала **всеобщей** практики крещения младенцев. Хотя младенцев крестили изначально, параллельно существовала и другая практика. Святой Иоанн Златоуст (между 344 и 354 — 407) был сыном благочестивой вдовы, не вышедшей вторично замуж ради того, чтобы не помешать каким-либо образом христианскому воспитанию сына. И эта истинная христианка почему-то не считала нужным крестить своего сына, пока он был маленьким. Святой Василий Великий (330—379) происходил из семьи, где росли десять детей, пятеро из которых прославлены в лике святых; думаю, что и остальные не стали разбойниками. А святой Григорий Богослов (329—389) и вовсе был сыном епископа. И все они тоже не были крещены в детстве, их родители оставили им право самим, повзрослев, сделать

окончательный выбор. А их не менее великие современники — святой Николай Чудотворец (ок. 270 — ок. 345), святой Афанасий Великий (ок. 298 — 373) и многие, многие другие были, напротив, крещены в младенчестве. Таким образом, мирно сосуществовали две практики, и обе они приносили обильные плоды. Однако в V веке, причем сначала на Западе, а потом уж и на Востоке, практика крещения в младенческом возрасте становится всеобщей. Таковой она сохраняется по сегодняшний день.

Рассуждать о том, какая из этих традиций успешнее достигает цели, или о возможности их сосуществования в современной церковной жизни — дело непростого богословского диалога и обсуждения. Что же касается существующей практики крещения детей, то стоит отметить, что мы о многом детей никто не спрашивает. Ребенок множество вещей принимает помимо собственной воли. Не добровольно он рождается мальчиком или девочкой, не добровольно становится русским или хакасом, не добровольно приходит в наш мир в XI или XXI веке... У него не спрашивали, с какими способностями он хотел появиться на свет. Даже темперамент свой он сам не выбирает — уж коли родится холериком, никогда во флегматика не превратится, равно как и наоборот. Масса склонностей заложена в генах, а что-то прививают родители, передавая ребенку свой язык и культуру. Родители решают за детей, пойдут ли те в детский садик или будут до школы воспитываться дома. Сев завтракать, папа с мамой не забудут и ребенка накормить. Вот так и благочестивые родители, приобщившись Царствия Божия, конечно же, стремятся приобщить к нему и своих детей.

Так было и в глубокой древности: обряд обрезания, причисления нового человека к народу Божьему, совершался на восьмой день после рождения мальчика. В современном христианстве младенец посвящается Богу в Таинстве Крещения и возрастает уже в лоне Церкви. Конечно, рано или поздно наступит момент, когда ребенку придется самому решить, согласен ли он с выбором родителей или хочет отвергнуть его. А может быть, повзрослев, он вообще останется к этому выбору абсолютно равнодушным. Все это будет происходить в душе сформировавшегося, сознательного человека и станет его личным выбором. Однако пока он еще мал, родители, несомненно, имеют право приобщить своего ребенка к той традиции,

которой они принадлежат, и дать ему возможность обрести благодать, которой живут сами.

И Священное Писание, и наш личный жизненный опыт свидетельствуют о том, что каждый человек несет в себе семя первородного греха — искажение первоначальной человеческой природы, проявляющееся в потенциальной склонности ко злу. Бескорыстно сделать что-то доброе нам всегда нелегко — приходится понуждать себя; напротив, бездействовать или грешить нас словно побуждает сама наша природа. *«Я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя»*, — стонет псалмопевец и пророк Давид (Пс. 50: 7), а апостол Павел пишет: *«Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю»* (Рим. 7: 15).

Мы, рождаясь, наследуем греховное повреждение нашей природы. Одновременно начинаются и ее проявление, и ее исцеление. Сам первый миг нашей жизни на земле болезнен: ребенок кричит, приходя в этот мир. Рождаясь, мы начинаем болеть, и любящие родители сразу же включаются в борьбу с болезнями своего малыша. Но ведь не только телесную, но и духовную поврежденность несет в себе младенец! И потому уже изначально родители стараются воспитывать в нем добрые наклонности. Многие христиане с древности старались крестить своих детей в младенчестве: в Крещении омывается первородный грех, а совместное семейное участие в Таинствах Церкви, в первую очередь в Евхаристии, является самым мощным залогом возрастания чад во Христе.

Но зачастую крещение младенцев, совершающееся в наше время, представляет собой серьезное искажение основ христианской жизни. К пониманию этой проблемы приходит все большее количество как иереев и епископов, так и обычных людей, сознательно готовящихся к крещению своих детей. В последние годы в этом вопросе произошли существенные положительные изменения, но пока они еще не носят характер соборного определения, обязательного для исполнения всей Церковью. Становится очевидным, что «просто так» крестить никого нельзя, поэтому во многих епархиях сегодня стараются готовить желающих приобщить своих детей к основополагающему Таинству Церкви.

Двадцать пять лет назад наш народ был неверующим и некрещеным, по крайней мере в подавляющем своем большинстве.

Сегодня мы живем, казалось бы, в радикально изменившейся стране, где крещеных, называющих себя православными людей значительно больше, чем некрещеных и неверующих. При этом сразу же возникает закономерный вопрос: а что, за эту четверть века непрерывных крещений нравственность нашего народа повысилась? Стало ли, например, сегодня меньше пьяниц, чем было их двадцать пять лет назад? Исчезла ли проблема наркомании? Или все получилось наоборот: раньше мы о ней только слышали, а теперь и человека, пожалуй, такого не найдешь, среди родственников, соседей или соучеников которого не было бы наркозависимых людей? А сами наши семьи? Стали ли они крепче? Уменьшилось ли количество аборт? Стал ли народ более целомудренным? Ведь, скорее, все наоборот!

Прежде мы говорили: «Посмотрите, как люди живут без Бога! Так жить нельзя, нам нужен Господь! Приходите в Церковь — здесь человек получает возможность стать другим». А теперь мы даже не имеем морального права произнести эти слова. Ведь Крещение — это вхождение в Церковь. Эти крещеные граждане Российской Федерации и есть Русская Православная Церковь. Нам придется честно признаться: «Это **мы** делаем аборт. Это **мы** разваливаем семьи. Это **мы** привносим порнографию в информационное пространство. Это **мы** берем взятки, «распиливаем» бюджет, воруем, насилуем и убиваем. Всем этим занимаемся теперь именно **мы**, потому что Церковь — это не только люди в рясах, Церковь — это весь крещеный люд!»

Массовое крещение не привело к массовому духовному возрождению. Более того, за это время произошло стремительное падение нравов. С одной стороны, второе Крещение Руси, а с другой — деградация духовно-нравственной жизни. Нам необходимо признать эту ошибку. Конечно, такие результаты следовало бы предвидеть после падения коммунизма, наложившего неизгладимый отпечаток на сознание нашего народа. Но ведь были священнослужители, пытавшиеся предостеречь нас от принятия практики всеобщего крещения без необходимой подготовки! Но тогда, двадцать пять лет назад, к ним не прислушались: ведь действительно тысячи людей шли в Церковь, а организовать подготовку в тех условиях было нелегко.

Итак, опираясь на Церковное Предание, следует отметить, что креститься можно как во взрослом, так и в младенческом возрасте, главное, чтобы Таинство действительно вводило человека в Церковь и в Царство Божие — взрослого напрямую, а детей — через церковную жизнь, воспринимаемую в семейной традиции.

На сегодняшний день в ряде епархий нашей Церкви введена практика обязательных огласительных бесед перед Крещением. Это далеко не совершенный способ, он не решает многих проблем, но ничего лучшего пока не предложено. В случае крещения взрослого человека беседы проводятся с ним самим, а если крещаемый — ребенок, что случается гораздо чаще, на беседу приглашаются родители и будущие крестные малыша.

— *Что бы вы, отче, посоветовали родителям, выбирающим имена для своих детей?*

— При выборе имени для крещаемого младенца можно вспомнить, что вообще-то в раннехристианской Церкви людей при крещении нарекали любыми именами. Множество еврейских, греческих, латинских, эфиопских, коптских, армянских и прочих имен сделались христианскими. В ряде современных православных Церквей тоже существует практика свободного отношения к подбору имени. Скажем, сербы или грузины не усматривают в этом никаких проблем. Кстати, до XI столетия вся

Европа оставалась православной или как минимум пребывала в единстве с православием, а следовательно, Зигфриды и Ричарды, Карлы и Вильгельмы — все они были православными. Затем, к несчастью, произошел раскол, но почему с тех пор всем Джонам и Людовикам, жившим до раскола, отказывают в православии? Почему эти имена выпали из обращения в Православной Церкви? Ведь целую тысячу лет так именовались православные люди!

Впрочем реальная практика такова, что если сегодня нам доведется познакомиться с человеком по имени Эдуард, мы сможем почти со стопроцентной гарантией утверждать, что перед нами человек некрещеный. И не потому, что в имени Эдуард таится что-то предосудительное. Это замечательное христианское имя, и церковная история знает святых Эдуардов. Просто для нас оно звучит своеобразным сигналом о некрещенности носителя этого имени. Спрашиваешь — и действительно, так оно и есть.

Естественно, мы не можем быть свободными от традиций поместной

Церкви, в которой живем и спасаемся, и стремиться к этому не нужно. Если сегодня в Русской Православной Церкви обычай таков, мы его принимаем и нарекаем детей теми именами, которые записаны в святцах, то есть в перечнях святых, почитаемых нашей Церковью.

Скорее, это миссионерская проблема, поскольку остается вопрос, почему, скажем, хакаски, тувинки или тем более японки, принявшие Христа, непременно должны становиться Татьянами, Аполлинариями или Олимпиадами? Такие имена чужды и труднопроизносимы для представителей этих народов.

Думаю, в этом случае было бы оправданно крещение с двойным именем: человек приобретал бы имя в честь почитаемого Церковью святого и одновременно сохранял бы свое родное, полученное при рождении. Тем самым могло бы быть положено начало воцерковлению этнических имен, а обращаемые народы не ощущали бы, что, принимая Христа, они перестают быть хакасами, тувинцами или японцами. А это уже очень серьезно, потому что к национальной специфике можно относиться как угодно, но ее невозможно отменить. Она, безусловно, существует, и для очень многих людей родное, этнически близкое имя чрезвычайно важно и значимо. И что же, с этим именем, оказывается, в рай попасть невозможно?..

Я абсолютно уверен в необходимости воцерковления имен различных народов. Отказ от него значительно затормозит миссионерскую деятельность, и все наши усилия будут восприниматься очередной попыткой русификации, а вовсе не проповедью Иисуса Христа.

Можем ли мы обещать Богу верность другого человека?

— *Батюшка, насколько актуален в наши дни сам институт крестных? То есть по-человечески вполне оправданно желание породниться с человеком, которому по-настоящему доверяешь, но какой духовный смысл может крыться за этим? Непонятно, почему за духовное возрастание ребенка отвечают не его родители, с которыми он проводит все детство, а крестные, чаще всего не имеющие никакого влияния на своих крестников. В том же случае,*

если и родители, и крестные — люди абсолютно нецерковные, ситуация вообще выглядит карикатурной...

— Вы задали непростой вопрос. Многие с удивлением для себя узнают, что исторически институт крестных (восприемников) появился не в связи с крещением младенцев, а в связи с крещением взрослых. Когда человек обращался к вере и просил о Крещении, то кто-то из верных, пользующийся авторитетом в Церкви, должен был засвидетельствовать о нем, что он действительно уверовал, оставил язычество, изменил образ жизни и теперь хочет стать членом Церкви Божией. Словом, восприемничество — институт поручительства за взрослых.

Что же касается детей, то в Священном Писании сказано однозначно: *Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой* (Деян. 16: 31). О крестных же нигде и слова нет. Дети крестятся по вере родителей. Достоверные исторические данные о том, когда крестные стали поручаться и за детей тоже, мне неизвестны. Может быть, их даже не существует. По крайней мере, я нигде не встречал указаний на это.

Какова же в таком случае роль крестных? Современное понимание хорошо известно. Кто такие крестные? Это друзья, приятели молодых родителей. Они их избирают в крестные, с тем чтобы с этими людьми породниться, в большинстве случаев даже не вспоминая о том, что речь идет о духовной миссии и ответственности. Иногда крестные и крестники живут далеко друг от друга, порой даже в разных городах. Так институт восприемничества профанируется.

У таких родителей есть немало хороших знакомых, но такого, который бы регулярно исповедовался и причащался в Церкви, нет. «Мы не можем найти такого крестного!» — жалуются они. Ну конечно, не можете! Среди моих знакомых нет ни одного моряка, потому что я живу в городе, равноудаленном от всех морей и океанов. Разумеется, в нем нет моряков, им там попросту нечего делать. Если хочешь познакомиться с моряками, отправляйся в Мурманск или во Владивосток. А откуда у тебя появятся знакомые верующие, если ты в Церкви не живешь? Может быть, иногда и заходишь в храм поставить свечку и помолиться, но никоим образом не живешь в церковной общине? Оттого-то у тебя и нет знакомых верующих. «Скажи мне, кто

твой друг, и я скажу, кто ты». Если у тебя нет верующих друзей, значит, скорее всего, и сам ты верующим не являешься.

Ну, а почему же сами родители ничего за детей не обещают, хотя прекрасно известно, что именно они будут ежедневно воспитывать своих чад, а отнюдь не крестные? Не знаю. Думаю, можно было бы поставить этот вопрос на обсуждение. На мой взгляд, было бы неплохо, чтобы как минимум один из родителей приносил за детей обеты, ведь именно по вере родителей, а не по вере крестных совершается крещение детей. Крестный же должен участвовать в духовном воспитании ребенка, учить его Слову Божию и молитвам, водить в храм, причащать и, конечно же, молиться за своего крестника. В лучшем случае современные крестные, если, конечно, это верующие люди, молятся за своих крестников, потому что все остальное чаще всего оказывается попросту невозможным.

Так что вопросы остаются, и по мере совершенствования практики крещения, возможно, каким-то образом будет совершенствоваться и практика восприимчивости. Если вдуматься: ну дали вы обет за ребенка, а он вырастет и знать ничего не захочет, ведь сам он никому ничего не обещал.

В этом смысле показательна древнеиудейская традиция. Я уже говорил о том, что мальчики подвергались обрезанию на восьмой день после рождения и таким образом вводились в народ Божий. Однако через тринадцать лет, при достижении совершеннолетия, они проходили специальное посвящение и становились бар-мицва, буквально — «сыновьями заповеди». Девочки проходили этот обряд на год раньше, к двенадцати годам становясь бат-мицва — «дочерьми заповеди». С этого дня подростки несли полную ответственность за свои поступки и впредь должны были соблюдать Тору, то есть все шестьсот тринадцать мицвот — заповедей закона Моисеева.

Нечто подобное имеет место и в христианстве. В Католической и в ряде протестантских Церквей практикуется конфирмация — обряд сознательного исповедания веры юношами и девушками. Ведь крестный, в сущности, дает обет не за ребенка: за другого человека принести клятву невозможно в принципе. Крестный лишь обещает, что приложит все усилия к тому, чтобы ввести крестника в Церковь. Повзрослевший ребенок должен согласиться с Крещением, совершенным над ним в детстве, чтобы уже осознанно стать

христианином. Допускаю, что некоторые моменты могут быть оспорены, но церковное обсуждение этих вопросов в любом случае окажется плодотворным, и это очень важно.

Нашим же крестным сегодня остается только пожелать, чтобы они со страхом Божиим, зная, что будут нести ответственность на Суде Божиим за этих детей, участвовали в их духовном становлении и молились за них. Тем более это относится к родителям, которые даже ничего и не обещали, оставаясь как бы не при делах! Да кто же, кроме них, их детей воспитывать будет?

В любом случае всем нам следует помнить, что даже в рамках существующей ныне практики вполне можно жить благочестиво, можно приводить детей ко Христу, чем и следует неустанно заниматься.

Гарантирует ли Крещение духовное и физическое благополучие?

— *Отче, среди желающих принять Святое Крещение, наверное, немало и таких, кто стремится обрести некую защиту, едва ли не оберег. Им нужен не столько Сам Христос, сколько надежда на какой-то незримый духовный патронаж. Хорошо ли это? Допустимо ли с точки зрения евангельского учения?*

— Действительно, в наше время просящие о Крещении в большинстве случаев указывают в качестве причины своего желания принять Таинство, и в особенности крестить детей, защиту, получаемую в этом случае от Господа. Без Бога человек чувствует себя неуверенно, неуютно и одиноко, ему часто становится страшно. Что и говорить, наша жизнь изобилует опасностями и бедами; на каждого из нас в любой момент могут обрушиться болезни и страдания. Молодые, абсолютно здоровые и успешные люди в одночасье гибнут в дорожнотранспортных происшествиях, тотальная криминализация общества тоже не располагает к самоуспокоению... Человек слаб, он ищет защиты. И нельзя сказать, что ищет чего-то плохого, и нельзя сказать, что в Крещении этого не предоставляется. В этом Таинстве мы действительно соединяемся с Господом, Который готов нас защищать. Хотя кто сказал, что Бог не защищает некрещеных?

Творец хранит всякое создание, всякую тварь, и тем не менее, когда человек сознательно обращается к Богу, это имеет огромное значение. Уже от рождения Ангел Божий простирает свои крылья над

колыбелью каждого ребенка, явившегося в этот мир, но мы верим, что в Крещении человеку дается Ангел Хранитель, а также небесный покровитель, поскольку мы получаем имя какого-то святого и этот святой становится предстателем за нас пред Господом. Впрочем ни в Новом Завете, ни в Символе веры об этом не говорится ни слова, зато говорится о Крещении. Но сказанного о Крещении человек не взыскал...

Однако не следует путать Крещение со страховым полисом. Вот, мол, я крестился, а значит, от чего-то застраховался. Это — языческое восприятие Таинства, не имеющее с христианством ничего общего. Крещение совершается во оставление грехов, Крещение — это облечение во Христа, Крещение — это рождение свыше. Вот о чем идет речь на самом деле, а все остальное — лишь сопутствующие факторы.

«Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их» (Пс. 33: 8). Крещение дается именно для того, чтобы мы приобщились к этому братству *«боящихся Его»* и вошли в Церковь Христову. Но нам братство боящихся вообще не интересно, облечение во Христа — мы даже не понимаем, о чем идет речь, о рождении свыше и слыхом не слыхивали, оставление грехов, то есть решительный отказ от них, повергает нас в уныние, зато охрану нам вынь да положь!

Так на первый взгляд нормальные, здравые представления по поводу охранения Господнего каким-то причудливым образом неожиданно трансформируются в нечто уже очень мало напоминающее христианское Крещение или вовсе его не напоминающее — некое магическое восприятие Таинства. В частности, лет десять тому назад я впервые услышал о нелепой, с точки зрения христианина, практике двойных, тайных имен, якобы призванной защищать от порчи, сглаза и прочих страхов суеверного сознания. А сейчас я служу в городе, где это явление становится повальным. Причем поскольку многие уже крещены и их имена общеизвестны, они просят о том, чтобы им нарекли дополнительное, тайное имя, которое было бы известно только им самим. Логика здесь такова: скажем, все знают, что меня зовут Иваном, при этом мое тайное имя — Петр. Порчу наводят на Ивана, но она проходит мимо меня, поскольку Петра это никак не затрагивает. Все

это, конечно, бесконечно далеко от Евангелия. Ни о чем подобном никогда не говорили святые отцы. Это магизм, какая-то псевдохристианская форма язычества.

Конечно, двойные имена вполне имеют право на существование, в них нет ничего плохого. Скажем, равноапостольный князь Владимир, крестившись, стал Василием. Его бабушка, равноапостольная княгиня Ольга, была крещена Еленой. Существуют народы, где детям вообще принято давать по нескольку имен. Само по себе это не грешно. А вот практика, о которой мы говорили, безусловно, и порочна, и предосудительна, но прежде всего — смешна.

— А как относятся к проблеме небесного покровительства приверженцы других конфессий и религий, могут ли они спастись? Ведь кто-то родился в традиции ислама, индуизма, буддизма или зороастризма, а кто-то — в христианской семье (причем эта семья может исповедовать православие, католицизм или различные формы протестантизма). Бог — один, и это понимают все, а вер так много, и все они столь различны! И каждый убежден, что именно его путь является истинным, в отличие от множества других...

— Этот вопрос мне доводится слышать часто, но очень редко я чувствую за ним действительные переживания. В большинстве случаев речь идет об обычном человеческом любопытстве или, что гораздо хуже, об очередной попытке самооправдания, с тем чтобы ничего не предпринимать для спасения собственной души. Как правило, по-настоящему остро переживают эту драму люди, в силу житейских обстоятельств оказавшиеся на стыке двух культур и двух вер. Именно им приходится делать нелегкий выбор.

Ну а все-таки, какая вера лучше? Об этом может судить лишь Бог. Решение этого вопроса остается вне нашей компетенции. О чем мы знаем абсолютно точно? Мы знаем, что Бог — Един и нет другого имени, которым бы надлежало спастись, кроме имени Иисуса Христа. Обо всем остальном, по большому счету, мы судить не смеем. Все остальное — пути Господни, которые неисповедимы. Есть путь спасения. И этот путь предлагает нам Церковь. Есть путь, которым прошла Богородица, прошли апостолы, Николай

Чудотворец, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Сергей Радонежский, Серафим Саровский и Иоанн Кронштадтский. Мы не говорим, что это — один из путей, мы утверждаем, что это — и есть

путь. Христос учит нас: *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14: 6). Это — путь к спасению, и других путей мы не знаем. Более того, нет их, других путей. Как говорил Блаженный Августин (354—430), «в главном — единство, во второстепенном свобода, а во всем — любовь». Несмотря на разнообразие вероисповеданий, Един Бог, Один Господь, одна вера и одно Крещение.

Ну а что же тогда все остальное? Духовная жизнь столь же многолика и многогранна, как и жизнь вообще. Ведь мы носим костюмы разных фасонов и размеров, наша речь может в чем-то различаться, а наши эстетические предпочтения вполне могут не совпадать. Точно так же и верят люди очень по-разному.

Вот мы знаем, что существуют различные виды язычества — поклонения не Творцу, а Его творению, отрицающие в Боге Личность и представляющие Божество как некую безликую силу или начало; или как борющиеся между собой силы. К язычеству следует отнести все идолопоклоннические и синкретические культы, в том числе и такие совершеннейшие в философском плане, как буддизм, конфуцианство и даосизм. Но это — все равно язычество: не личностному Богу Вседержителю приносят свое поклонение приверженцы этих верований. При всем почтении ко многим подвижникам и даже праведникам мы не можем считать предлагаемый ими путь спасительным.

В иудаизме по большому счету все хорошо — кроме того, что не принят Христос, отвергнут Мессия! Можно было вполне благочестиво и спасительно жить по Ветхому Завету до пришествия Христова, но сегодня говорить о спасительности такой веры уже невозможно. Израиль должен принять Спасителя-Христа, без принятия Евангелия и Нового Завета иудаизм, по-прежнему живущий без своего Спасителя в потерявшем предназначение Ветхом Завете, не может быть самодостаточным.

С исламом дело обстоит сложнее. Есть вера в единого Бога, и есть дерзкая претензия на то, что весь мир должен стать мусульманским, хотя бы и под страхом физического уничтожения, в то время как путь спасения тоже оказался отвергнутым...

Разговор о монотеистических религиях непростой, внутри самого христианства множество ветвей.

Вот, например, протестантизм. Там есть Бог, есть Христос, но отвергнута Церковь, которую Он создал. Впрочем ничто не происходит без Бога в этом мире, и протестантизм, в отличие от древних ересей, которые то и дело появлялись, осуждались на Вселенских Соборах и исчезали, до сих пор жив и на ладан не дышит. Например, красноярские религиоведы утверждают, что в их регионе практикующих христиан-протестан-тов больше, чем православных. Речь идет о тех людях, кто хотя бы по воскресеньям посещает богослужения, о тех, кто живет по своей вере. И это происходит в православной России! Понятно, что в центральной части страны ситуация складывается несколько иначе, но, уверяю вас, и там все не так просто... В чем же дело? Почему до сих пор существуют протестанты?

Задумаемся, чем ариане¹ отличались от православных? Различиями в исповедании некоторых догматов. Им ничего не стоило со сменой епископа изменить и свою точку зрения. Так вчерашние ариане вновь становились православными. В очередной раз менялся правящий епископ или на трон восходил новый император — и православные опять превращались в ариан. Это можно сравнить с современными юрисдикционными делениями: то поминаем Кирилла, то Филарета, то Варфоломея, а жизнь идет своим чередом. И если уж говорить о простых людях, им-то какая разница? Да разбирайтесь вы сами! Там, наверху, что-то, может быть, и меняется, а их жизнь какой была, такой и осталась.

Вот и Русская Православная Церковь за границей (Русская Православная Церковь за рубежом) на протяжении десятилетий именовалась у нас «карловацким расколом». А чем, в сущности, отличались «зарубежники» от сторонников Московского Патриархата? Разве что политическими предпочтениями: одни были, скорее, «белыми», другие — приспособлялись жить с «красными». Вот, собственно, и все различия. Религиозный тип оставался абсолютно тем же самым.

Религиозные типы ариан, нестори-ан² и православных, по крайней мере на исходных этапах, практически ничем не отличались. Необходимо было разобраться с догматами, выяснить для себя, что правильно, а что ложно, утвердить решения на Соборе и двигаться дальше. А вот с протестантами дело обстоит несколько иначе. Они

возрождают многие раннехристианские традиции, раннехристианский тип веры, молитвы и поведения.

В свое время мне пришлось окормлять духовно казачество. Традиционный казачий круг без священника немислим, и вот сижу я рядом с атаманами. Один из казаков говорит мне: «Сосед исповедует какую-то ужасную религию. Ужасную!» Назвать ее он толком не может, но очевидно, что речь идет о свидетелях Иеговы. По незнанию мой собеседник начинает кощунственно искажать имя Божие, которое, благоговения ради, вообще-то и произносить не положено, и заявляет: «Они сбили с толку и мою жену, они не курят, не пьют, теперь и она увлеклась! Ну да я ее вразумил...» Далее он принялся с воодушевлением рассказывать о садистских методах воспитания жены, о том, как он удерживает ее от ересей, заставляя хранить веру православную. В завершение последовала просьба о том, чтобы батюшка разъяснил казакам, в чем состоит зловредность этой гнусной секты, и благословил бы всех следовать его примеру. После «официальной части» казаки, как водится, напились вдрызг. В тот момент я вспомнил свою маму и подумал: «Если бы сейчас она меня здесь увидела!» Я просто слышал ее голос: «Куда ты попал, сынок? Ты же рос в благочестии, а теперь что с тобой случилось?» Но ведь в детстве я был еретиком, а теперь-то стал православным и меня окружают православные!

До тех пор пока мы духовно и морально не превзойдем протестантов, наши руки связаны и протестанты будут! Протестантов невозможно осудить, просто отметив, что в таких-то и таких-то установках они заблуждаются. Это-то как раз нетрудно, это все давно и без нас сделано! Существуют многочисленные миссионерские пособия, в которых очень подробно и совершенно справедливо проанализированы их заблуждения. Но результата-то нет, и мы это видим.

Кроме того, протестантизм весьма разнороден. Существуют и такие протестантские деноминации, где два пастора могут друг с другом свадьбу сыграть, — я своими глазами видел соответствующую фотографию в официальном немецком евангелическом журнале. Там это, конечно же, тоже не одобряется, но и не запрещается. Но я все-таки буду говорить не о разложившихся в грехе сообществах, а о русском штундизме³, о тех общинах, которые зародились еще

в царские времена и прошли через революцию, сталинизм и все прочие жернова советского периода.

В течение последних двадцати лет я очень мало общаюсь с протестантами — так уж жизнь складывается. Сам я этих встреч не ищу. Но должен сказать, что все старшее поколение протестантов, среди которых я вырос, состояло исключительно из исповедников. Мучеников я не видел, потому что их к тому времени уже убили, но исповедниками были абсолютно все. Нерепрессированных, не прошедших через горнила тюрем, лагерей и ссылок попросту не было. Конечно же, их протестантизм и протестантизм какой-нибудь современной англиканской или лютеранской общины несопоставимы как день и ночь.

Основа протестантского мировоззрения — так называемое рождение свыше, которое они обосновывают словами Христа, сказанными фарисею Никодиму: *Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия* (Ин. 3: 3). Речь идет не о некоем священнодействии и тем более не об обряде, а о внутреннем обращении и покаянии. Само же по себе Крещение не воспринимается протестантами как Таинство возрождения. К великому сожалению, и большая часть нынешних православных после совершения Таинства продолжает жить прежней жизнью. Прискорбно, что и сама наша Церковь на это никак не реагирует. Скажите, кто и когда был отлучен хотя бы за самые тяжкие грехи? У нас отлучают только раскольников.

Иду я, например, в зону строгого режима, где сидят грабители и убийцы. Спрашиваю у них: «Кто из вас крещен?» Оказывается, половина. Насильники и душегубы не отлучены от Церкви! Для протестантов же, повторяю, по-настоящему важно не столько быть крещеным, сколько родиться свыше. И только «родившись свыше», они запечатлевают это своим крещением. Тут, безусловно, проявляется ересь по отношению к Таинству Крещения, но при этом человек прежде всего призывается к покаянию и обращению.

Любой протестант может сказать, что столько-то лет тому назад, в таком-то месте, в такой-то день произошло его обращение и началась его новая жизнь. Без этого Крещения быть не может. Затем рожденные свыше объединяются в общины, чего мы, православные, до сих пор не практикуем. Исключение составляют те немногие пастыри, которые

подвигом своего служения заложили основы приходских общин. При этом они, в свою очередь, часто подвергаются резкой критике и недоброжелательству со стороны своих же собратьев.

Обо всем этом можно было бы говорить долго, и разговор получился бы нелицеприятным, а этого никто не любит. Протестанты, кстати, тоже к критике и обличению относятся чрезвычайно болезненно, принимая критикующих в штыки. Так уж человек устроен, природа человеческая такова...

Мы с вами веруем в то, что вся полнота истины и благодати сосредоточена в Православной Церкви. Но не мы вершим Суд Божий, его будет вершить только Сам Господь. Ни нам, ни Церкви, ни ее епископам и патриархам, ни даже Вселенским Соборам не дано судить людей. Суд принадлежит лишь Богу, а потому мы никого не судим, мы лишь говорим: «Вот — путь спасения».

В каждой вере есть какое-то божественное зерно. Однако путь спасения — только во Христе, только в Церкви Божией, к которой мы приобщаемся посредством Святого Крещения, и об этом никогда не следует забывать.

1

Арианство - одна из христологических ересей IV-VI веков, учившая о тварной природе Бога Сына. Арианство получило название по имени основателя - александрийского священника Ария и было осуждено Церковью на Никейском (Первом Вселенском) Соборе в 325 году.

2

Несторианство — христологическое учение, традиционно приписываемое Константинопольскому архиепископу Несторию и осужденное как ересь на Эфесском (Третьем Вселенском) Соборе в 431 году. Последователи учения утверждали, что Иисус Христос, будучи рожденным человеком, лишь впоследствии воспринял Божественную природу; будто Пресвятая Дева Мария родила простого человека Христа, с Которым потом Бог соединился нравственно, обитал в Нем, как в храме (подобно тому, как прежде обитал в Моисее и других пророках). Потому и Самого Господа Иисуса Христа Несторий называл Богоносцем, а не Богочеловеком, Пресвятую Деву — Христородицею, а не Богородицею.

Штун дизм, или штунда (от нем. *Stunde* — час, отведенный для чтения и толкования Библии), — христианское движение протестантской направленности, получившее распространение в России в XIX веке в среде немецких колонистов, а также среди части населения южнорусских губерний.

Крещение: единожды или все-таки нет?

— *Отче, согласно Символу веры христиане исповедуют «едино Крещение». Ну а как быть с людьми, крещеными в православии, но уклонившимися, ставшими, например, членами той или иной секты, если они покаются и захотят воссоединиться с Православной Церковью? Как быть с крещеными в других христианских Церквях?*

— Начнем с людей, крещенных в какой-либо протестантской общине. Вообще говоря, существует два подхода к этой проблеме. Например, еще в XIX веке Святейший Синод издал распоряжение, согласно которому все, кто крещен во имя Отца и Сына и Святаго Духа, в любом случае признаются крещеными и принимаются в Церковь через миропомазание. Мне, однако, кажется, что это решение не учитывало все возможные нюансы.

Да, формально правило крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа соблюдено. Но, например, во многих баптистских или пятидесятнических общинах Крещение Таинством не считают. Более того, допуском к Крещению должна быть твердая априорная уверенность новообращенного в том, что его грехи уже прощены Господом. В противном случае его и не окрестят. Они и сами не верят в то, что их Крещение предназначено для прощения грехов. Их Крещение — это обет чистой совести, данный Богу, но никак не омовение от прегрешений. В догматических пособиях этих Церквей прямо говорится о том, что прощение грехов дается до Крещения, во время обращения и покаяния. Само же Крещение — лишь некий символ, свидетельство. Так если баптисты и пятидесятники сами не верят в то, что их Крещение есть таинство прощения грехов, почему мы, православные, должны в это верить?

Поэтому я придерживаюсь мнения той части православных, которые считают, что в этом случае все-таки лучше совершить Таинство Крещения. *«По вере вашей да будет вам»* (Мф. 9: 29), —

говорит Спаситель. А у сектантов веры в Святое Крещение не было и нет...

Что же касается уклонявшихся от истины, то мне близок совет преподобного Амвросия Оптинского (1812—1891), согласно которому человека, побывавшего после православного Крещения в секте и вновь обращающегося в православие, следует принимать через Миропомазание, то есть повторять не Крещение, а именно Миропомазание. Такой подход к проблеме в данном случае представляется мне оптимальным.

— *Как вы, батюшка, относитесь к практике так называемого обливательно-ного крещения?*

— Обливательное крещение, на мой взгляд, грубое нарушение установлений Христовых, потому что слово «крещение» (греч. Ралтюра) дословно означает «погружение в воду». Сорок девятое и пятидесятое апостольские правила предписывают крестить в три погружения, поэтому перед нами — грубое нарушение всей раннехристианской церковной практики. Это и заведомое нарушение указаний Требника, который держит в руке священник. Карфагенский собор определил в 419 году два возможных оправдания обливательно-ного крещения, об этом же пишет и святой Киприан Карфагенский (| 258). Речь идет о смертельной опасности и тяжелой болезни. Скажем, человек парализован. Никакой возможности погрузить его в воду нет. Вот и все, других исключений из правила не существует.

Я не с луны свалился и достаточно долго прослужил в Церкви, в том числе и в советские времена. И в те годы возможность крестить погружением была. Даже в тюрьмах, даже в больницах, то есть практически повсюду. Возможность крестить погружением отсутствует только там, где эту возможность сам священник не создает и создавать не хочет.

Отрадно, что в наше время Крещение полным погружением массово возрождается во многих епархиях, становясь единственно допустимой формой отправления этого великого Таинства.

Ну, а что делать, если человек уже крещен обливательно? Дать ответ на этот вопрос может только Церковь. Скажем, в 1620 году патриарх Филарет, отец Михаила Федоровича, первого государя из династии Романовых, принял решение, что обливательно

крещенных следует перекрещивать, и до Большого Московского Собора 1666—1667 годов так и поступали. Впрочем и гораздо позже архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий; 1877— 1961) — знаменитый хирург и профессор медицины, канонизированный Русской Православной Церковью в сонме ново-мучеников и исповедников Российских, крещенных обливательно крещеными не считал и велел их крестить заново.

Тем не менее я все же думаю, что человек рождается в вечную жизнь однажды, а не дважды, и поэтому не практикую погружения обливательно крещенных, хотя знаю священников, которые это делают. Думаю, что это вопрос соборной компетенции. Если Собор решит, что таких людей надобно крестить вновь, значит, так мы и будем поступать, если же нет, то нет. Однако нарушение внешней формы — тоже грех. Надо стараться не грешить и жить по заповедям Божиим.

Полное погружение символизирует полную отдачу себя Христу. Рассказывают, что средневековые рыцари во время крещения поднимали над водой правую руку, которая нужна была им для сражений с врагами, а также во время охоты, турниров и поединков. Если взглянуть на проблему с этой точки зрения, то сейчас, когда лишь несколько капель воды попадает на лоб, практически все тело остается неосвященным.

Три дня пробыл Господь во Гробе — и человек трижды погружается в воду. Господь воскрес — и человек вышел из воды... Все эти действия объединены глубинным, таинственным смыслом.

И кстати, если уж говорить об обливательном Крещении, то ведь не совершается и оно! При обливательном крещении человек снимает обычную, повседневную одежду, становится в купель и трижды обливается так, что вода полностью оmyвает все его тело. Вот что такое обливательное крещение! Но то, что порой происходит у нас, когда люди не раздеваются вообще, — даже галстуки не снимают, назвать Крещением я бы не решился.

Неоднократно случалось, что люди жаловались священникам: «А нас крестили без воды!» Скорее всего, в тесноте и духоте так и не ощутили состоявшегося Крещения, либо, что гораздо хуже, просто затерялись в толпе и Таинство над ними совершено не было.

Одна раба Божия рассказывала: «Мне стало плохо. Я села на стоявшую у стены лавочку, а потом, когда немного пришла в себя,

опять встала в ряд». Только спустя лет десять, уже неоднократно причастившись и даже успев попеть на клиросе, она вдруг все это сопоставила и отчетливо поняла, что момент Крещения просидела на лавочке и никому до нее дела не было. Мало ли кто там сидит? Может быть, чья-то крестная или еще кто-то. Сидит, ну и пусть себе сидит...

Есть ли препятствия к принятию Крещения?

— *Отец Геннадий, вы уже рассказали о Крещении как о благодатном Таинстве, совершаемом во оставление грехов: в Крещении омываются первородный грех и все грехи, совершенные человеком до его вхождения в Церковь. Вы также особо отметили, что Крещение не магический ритуал, который действует сам по себе, вне зависимости от проявления свободной человеческой воли: чтобы Крещение действительно вводило в Церковь и в Царство Божие, необходимы искреннее внутреннее обращение и покаяние самого человека. А как быть с неочевидными грехами, когда человек не осознает греховности своих ключевых жизненных мотиваций, например по тем или иным причинам живет в незарегистрированном, так называемом гражданском браке? Может ли это обстоятельство стать препятствием к принятию Крещения? Как человеку прочувствовать, что грех действительно отлучает его от Бога?*

— Грех сопутствует человеку со времен грехопадения Адама и Евы, но до тех пор, пока к нему относятся именно как к греху, еще не все потеряно. Пока общество сходится во мнении, что лгать, пьянствовать, хулиганить, воровать, блудить и тем более убивать — плохо, жить все-таки можно. Несмотря на то что существуют воры, растлители и убийцы, жизнь продолжается. Жить можно до тех пор, пока грех в наших глазах остается грехом. А вот когда грех становится «неочевидным», а то и превращается в норму, само общество становится нежизнеспособным. Такое общество просто обязано исчезнуть с лица земли, ибо оно оскверняет землю, как амаликитяне¹. Вот что по-настоящему опасно...

Тревожно, что в наше время очень многие грехи сделались «неочевидными», что люди перестали стыдиться их, а порой даже гордятся ими. Это стало не только нормой, но даже превратилось в предмет похвалы, как, например, получение в средствах массовой информации, мягко говоря, сомнительного титула «секс-символа»

текущего года или месяца. Когда то, чего следовало бы стыдиться, становится пределом мечтаний, а очевидные носители греха провозглашаются «звездами», такое общество должно либо исправиться, либо сгинуть. Другого выбора нет и быть не может. Свои жизненные силы оно уже растеряло, и существовать ему осталось недолго.

Современная постхристианская, как ее иногда называют, цивилизация, тот самый «золотой миллиард» — Америка, Европа, отчасти Россия — шутят с огнем, потому что появилось слишком много узаконенных пороков. Так, оказывается, существуют семь равноправных форм брака и супружество мужа и

над ними исполнилось слово Господне, и имя их исчезло с лица земли (I Цар. XXX, 17, I Пар. IV: 43).

жены лишь одна из них — все, конец света при дверях...

Что следует сделать, чтобы очевидные истины вновь стали очевидными, чтобы грех вновь стал грехом? Когда-то Бог дал для этого закон. Ведь «неочевидные грехи» — вовсе не какая-то новость. Жителям Содома, например, была совершенно неочевидна греховность однополого сожителства. Для них оно вполне укладывалось в пределы допустимых норм. Для многих языческих племен было совершенно неочевидно, что каннибализм — это тяжкий грех. Это было рядовым, обыденным явлением. Все они сгинули, оказавшись нежизнеспособными.

В свое время Господь послал на землю потоп, а на Содом обрушил горящую серу. Потом Он дал человечеству закон — десять заповедей плюс шестьсот тринадцать мицвот к ним, ибо, как писал апостол Павел, *«грех становится крайне грешен посредством заповеди»* (Рим. 7: 13). Сделано это было для того, чтобы люди, всматриваясь в эти заповеди как в зеркало, увидели бы себя такими, какие они есть на самом деле, чтобы грех они осознали именно грехом.

В свою очередь, Христово Евангелие призвано было не столько обличить грех — для этого было достаточно и закона Моисея, — сколько указать выход из этого состояния.

Я не знаю рецепта, посредством которого грех можно сделать очевидным для современного человека. Мы призваны свидетельствовать. Каждый священник, каждый христианин должен стать свидетелем Христовой Истины. А свидетель, по сути, — то же

самое, что и мученик. Свидетельство действительно мучительно, тем более что оно зачастую вызывает со стороны тех, для кого грех неочевиден, агрессию, причем иногда очень жесткую. И к этому мы должны быть готовы. По-другому и быть не может. Мы должны свидетельствовать миру и, конечно же, усердно молиться о том, чтобы наша проповедь во свидетельство Истины благодатью Божией превратилась в проповедь во спасение.

Беседа восьмая «Именем Моим будут изгонять бесов»: Крещение и экзорцизм в современном мире

— *Отец Геннадий, в последнее время много говорят обэкзорцизме. Не могли бы вы рассказать о своем отношении к этому феномену в связи с Таинством Крещения?*

— Мир демонов, мир темных сил действительно существует. И, кстати, в Древней Церкви оглашение отнюдь не сводилось к одному только научению. Вторым его аспектом становился экзорцизм. Экзорцисты существовали как особый церковный чин. Эти люди не всегда были священниками, но они имели благословение на заклинание нечистых духов и освобождение людей, одержимых ими. Перед Крещением человек должен был освободиться от злого духа.

Сейчас мы нередко сталкиваемся с иной ситуацией: из монастыря присылают человека в приходской храм. Старец-духовник велит ему принять Крещение, в противном случае отказываясь его отчитывать. Согласно же каноническим правилам нельзя крестить человека, не освободившегося от злого демона. То есть на самом деле, наоборот, из приходского храма следовало бы послать желающего креститься в монастырь, чтобы старец изгнал из него нечистого духа для допущения до Святого Крещения. Исключение может быть сделано лишь в том случае, если человеку угрожает смертельная опасность.

В современном чине Крещения элементы экзорцизма сохранились в виде четырех заклинательных молитв. Люди действительно бывают обуреваемы нечистым духом, особенно там, где процветают оккультизм, эзотерика и идолопоклонство. Повреждение демоническими духами людских душ в таких местах особенно ощутимо и очень реально. К сожалению, и крещеный люд часто духовно поврежден, а то и одержим демонами.

Таким образом, экзорцизм абсолютно необходим. Сам Христос сказал ученикам: *Именем Моим будут изгонять бесов* (Мк. 16: 17).

Экзорцизм — служение Церкви. Однако практика экзорцизма тоже нуждается в соборном осмыслении и в разработке определенных правил и форм, приемлемых именно в наше время.

Кроме того, стоит отметить, что в последнее время русский народ, уже очень далекий от традиционных форм язычества, охватила настоящая эпидемия всевозможных суеверий. Все эти бесконечные сглазы, порчи и прочие напасти свидетельствуют вовсе не о реальной одержимости демонами, бесами или нечистыми духами. На самом деле речь идет о суеверном восприятии мира, самого себя, христианской веры, может быть, даже и Самого Бога. И тут необходим вдумчивый пастырский, духовни-ческий подход, чтобы увидеть и понять, что же происходит на самом деле. И действительно, ну кто же тебя может испортить, если ты не испортишься сам? Необходимо уметь отделять действительную одержимость нечистыми духами от массы суеверий, которым подвержено огромное количество наших сограждан, прежде всего в связи с тем, что уже скоро век, как они живут без Бога. Ориентир был потерян, да так и не обретен вновь...

«У меня заболела голова, значит, соседка навела на меня порчу!» Если человек здраво и трезво уверовал в Господа, у него такие проблемы не возникнут. Если голова заболела — измерь давление и при необходимости прими лекарство.

Что греха таить, наша доблестная профессура, наши замечательные писатели, наши великолепные музыканты и художники в суеверии нисколько не уступают бывшим колхозницам. Казалось бы, перед нами — люди высокой культуры, зачастую энциклопедических знаний, и вдруг они превращаются в самых заурядных суеверов! Это объясняется в том числе и тем, что наука и культура, с одной стороны, и суеверия — с другой, вовсе не противостоят друг другу. Противостоит суеверию именно истинная вера, потому что суеверие — это нарушение третьей заповеди: *Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно* (Исх. 20: 15).

Если же человеку совсем неловко заявлять на каждом шагу, что его «бабка сглазила», начинаются рассказы о медиумах, астральных полях, биоэнергетике, ауре, астрологии и НЛЮ. Они пришли на смену кентаврам, единорогам, драконам и русалкам, суть же от этого нисколько не изменилась.

Фантастика всегда остается фантастикой, неважно, «научная» она или нет. Это — болезненный плод человеческого ума. Зачастую, пока человек молод, крепок и силен, он действительно занимается наукой. За пятнадцать-двадцать лет ему удастся заработать авторитет среди коллег и все мыслимые ученые звания, а дальше уже хочется побарствовать. Именно в этот период многие от науки переходят к псевдонауке, которая, в свою очередь, является таким же суеверием, только порожденным уже не неграмотными бабулями, а людьми, увенчанными учеными степенями, причем очень высокими. Все эти оккультные суеверия созданы и распространяются не бабушками, а нашей ученой братией.

Так что сам по себе интеллектуальный и культурный уровень ни от чего нас не защищает, а защищает вера. Неважно, кто ты — доктор наук или малограмотный привратник в храме: если ты горячо и искренне веришь в Бога, ты свободен от суеверий. Остается лишь страх Божий и любовь к Господу, а все суеверия рассеиваются и тают, как предрассветный туман.

Есть среди православных и другая крайность: одержимость и демоническая поврежденность человека объявляются суеверием, и экзорцизм упраздняется. Тогда вера легко скатывается в богословский рационализм и модализацию.

Что же касается науки и культуры в целом, то Церковь никогда им не противостояла, никогда не выступала в качестве их антагониста. Более того, в немалой степени именно религия их и породила. Пока не появилась вера в единого Бога, пока не появились первая, вторая и третья заповеди, развитие науки оказывалось невозможным. Античный мир достаточно далеко продвинулся в познании природы, но при этом до конца не сформировал научного мировоззрения.

Даже у Платона и Аристотеля, у Сократа и Пифагора за каждым природным явлением непременно стояли какие-то духи и гении. Сама мысль о том, что мир устроен по определенным законам, оказалась возможной только при авраамической вере в Единого Бога-Законодателя. Только когда мы осознали, что Бог сотворил мир из ничего, появилась возможность научного изучения творения. До того мы могли этому творению лишь слепо, по-язычески поклоняться.

Амаликитяне (ивр. угЛр) - древнее кочевое племя, проживавшее на территории Синайского полуострова и пустыни Негев. За грехи амаликитян

«Именем Моим будут изгонять бесов»: Крещение и экзорцизм в современном мире

— *Отец Геннадий, в последнее время много говорят об экзорцизме. Не могли бы вы рассказать о своем отношении к этому феномену в связи с Таинством Крещения?*

— Мир демонов, мир темных сил действительно существует. И, кстати, в Древней Церкви оглашение отнюдь не сводилось к одному только научению. Вторым его аспектом становился экзорцизм. Экзорцисты существовали как особый церковный чин. Эти люди не всегда были священниками, но они имели благословение на заклинание нечистых духов и освобождение людей, одержимых ими. Перед Крещением человек должен был освободиться от злого духа.

Сейчас мы нередко сталкиваемся синой ситуацией: из монастыря присылают человека в приходской храм. Старец-духовник велит ему принять Крещение, в противном случае отказываясь его отчитывать. Согласно же каноническим правилам нельзя крестить человека, не освободившегося от злого демона. То есть на самом деле, наоборот, из приходского храма следовало бы послать желающего креститься в монастырь, чтобы старец изгнал из него нечистого духа для допущения до Святого Крещения. Исключение может быть сделано лишь в том случае, если человеку угрожает смертельная опасность.

В современном чине Крещения элементы экзорцизма сохранились в виде четырех заклинательных молитв. Людидействительно бывают обуреваемы нечистым духом, особенно там, где процветают оккультизм, эзотерика и идолопоклонство. Повреждение демоническими духами людских душ в таких местах особенно ощутимо и очень реально. К сожалению, и крещеный люд часто духовно поврежден, а то и одержим демонами.

Таким образом, экзорцизм абсолютно необходим. Сам Христос сказал ученикам: Именем Моим будут изгонять бесов (Мк. 16: 17). Экзорцизм — служение Церкви. Однако практика экзорцизма тоже нуждается в соборном осмыслении и в разработке определенных правил и форм, приемлемых именно в наше время. Кроме того, стоит отметить, что в последнее время русский народ, уже очень далекий от

традиционных форм язычества, охватила настоящая эпидемия всевозможных суеверий. Все эти бесконечные сглазы, порчи и прочие напасти свидетельствуют вовсе не о реальной одержимости демонами, бесами или нечистыми духами. На самом деле речь идет о суеверном восприятии мира, самого себя, христианской веры, может быть, даже и Самого Бога. И тут необходим вдумчивый пастырский, духовнический подход, чтобы увидеть и понять, что же происходит на самом деле. И действительно, ну кто же тебя может испортить, если ты не испортишься сам? Необходимо уметь отделять действительную одержимость нечистыми духами от массы суеверий, которым подвержено огромное количество наших сограждан, прежде всего в связи с тем, что уже скоро век, как они живут без Бога. Ориентир был потерян, да так и не обретен вновь...

«У меня заболела голова, значит, соседка навела на меня порчу!» Если человек здраво и трезво уверовал в Господа, у него такие проблемы не возникнут. Если голова заболела — измерь давление и при необходимости прими лекарство. Что греха таить, наша доблестная профессура, наши замечательные писатели, наши великолепные музыканты и художники в суеверии несколько не уступают бывшим колхозницам. Казалось бы, перед нами — люди высокой культуры, зачастую энциклопедических знаний, и вдруг они превращаются в самых заурядных суеверов! Это объясняется в том числе и тем, что наука и культура, с одной стороны, и суеверия — с другой, вовсе не противостоят друг другу. Противостоит суеверию именно истинная вера, потому что суеверие — это нарушение третьей заповеди: Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно (Исх. 20: 15).

Если же человеку совсем неловко заявлять на каждом шагу, что его «бабка сглазила», начинаются рассказы о медиумах, астральных полях, биоэнергетике, ауре, астрологии и НЛЮ. Они пришли на смену кентаврам, единорогам, драконам и русалкам, суть же от этого несколько не изменилась. Фантастика всегда остается фантастикой, неважно, «научная» она или нет. Это — болезненный плод человеческого ума. Зачастую, пока человек молод, крепок и силен, он действительно занимается наукой. За пятнадцать-двадцать лет ему удается заработать авторитет среди коллег и все мыслимые ученые звания, а дальше уже хочется побарствовать. Именно в этот период

многие от науки переходят к псевдонауке, которая, в свою очередь, является таким же суеверием, только порожденным уже не неграмотными бабулями, а людьми, увенчанными учеными степенями, причем очень высокими. Все эти оккультные суеверия созданы и распространяются не бабушками, а нашей ученой братией.

Так что сам по себе интеллектуальный и культурный уровень ни от чего нас не защищает, а защищает вера. Неважно, кто ты — доктор наук или малограмотный привратник в храме: если ты горячо и искренне веришь в Бога, ты свободен от суеверий. Остается лишь страх Божий и любовь к Господу, а все суеверия рассеиваются и тают, как предрассветный туман.

Есть среди православных и другая крайность: одержимость и демоническая поврежденность человека объявляются суеверием, и экзорцизм упраздняется. Тогда вера легко скатывается в богословский рационализм и модализацию. Что же касается науки и культуры в целом, то Церковь никогда им не противостояла, никогда не выступала в качестве их антагониста. Более того, в немалой степени именно религия их и породила. Пока не появилась вера в единого Бога, пока не появились первая, вторая и третья заповеди, развитие науки оказывалось невозможным. Античный мир достаточно далеко продвинулся в познании природы, но при этом до конца не сформировал научного мировоззрения.

Даже у Платона и Аристотеля, у Сократа и Пифагора за каждым природным явлением непременно стояли какие-то духи и гении. Сама мысль о том, что мир устроен по определенным законам, оказалась возможной только при авраамической вере в Единого Бога-Законодателя. Только когда мы осознали, что Бог сотворил мир из ничего, появилась возможность научного изучения творения. До того мы могли этому творению лишь слепо, по-язычески поклоняться.

«Даждь Ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23: 26), или Как Господь касается сердца человека и вводит Крещением в Свою Церковь

— *Отче, как Господь касается сердца человека? Что с человеком происходит в этот момент? Не могли бы вы рассказать о случаях обращения и о людях, приходящих к вере?*

— Главное — это водительство Святого Духа. В Лесосибирске в 1990-х годах в православие обратились десятки протестантов, включая

адвентистско-пятидесятниче-ских пресвитеров и даже епископов. Один из них — ныне протоиерей в Чимкентской епархии, некоторые монашествуют.

Помню, одна вполне советская по духу женщина неожиданно для себя самой потянулась к вере. Я тогда жил в Енисейске, а она — километрах в сорока от него, в Лесосибирске. И вот как-то теплым летним днем я буквально слышу призыв: «Отправляйся к ней!»

Ну и для чего, думаю, я туда поеду? Дел у меня и без того хватает, да и день уже к вечеру клонится. К тому же тогда еще у нас не было автомобиля. Все-таки сел в автобус, а зачем — и сам не пойму. Адрес ее я представлял себе лишь приблизительно, пришлось расспрашивать местных. Жила она в многоэтажке, на пятом этаже. Поднимаюсь, звоню в дверь. Она открывает и вскрикивает: «Батюшка!» — причем с такой неподдельной радостью, как будто камень с души свалился. Оказалось, она только что с балкона — собиралась броситься вниз. В этот-то момент я и пришел...

В 1989—1990 годах в Енисейске существовал творческий союз, в котором я читал лекции. Среди слушательниц была одна кореянка, учительствовавшая в художественной школе. Я в этой школе даже ни разу не был. Прохожу мимо и вдруг почувствовал, что учительницу необходимо срочно крестить. Как будто откуда-то изнутри это было мне сказано. Заглядываю в школу, спрашиваю о моей слушательнице, называю ее имя и отчество.

— Она здесь?

— Да, но сейчас идет урок.

— Подскажите, пожалуйста, в какой она аудитории.

Подсказали. Я поднимаюсь и стучу в дверь класса. Она выходит и удивленно смотрит на меня: «В чем дело?» Я говорю:

— У вас завтра Крещение.

— Да?

— Да.

На следующий же день женщина приняла Крещение и навсегда осталась в Церкви. Позже она окончила духовное училище и стала педагогом в православной гимназии.

Должно быть водительство Духа Божиего. Профессиональная технология в духовной жизни почти всегда оказывается бесплодной. Так трудно, так мучительно действовать руководствуясь лишь заранее

просчитанными алгоритмами! Тем не менее они тоже необходимы, потому что каждый день манна с неба сходить не будет. Ты должен непрестанно пахать, трудиться, как и положено человеку. Не обольщайся: не ты ведешь людей к Богу, это Господь приводит к тебе людей и говорит: «Вот, поработай! Сделай то-то и то-то...»

Как человек рождается? Не в капусте же его находят! Мать должна его выносить, родить, а затем и вскормить. В духовном смысле примерно этим же занимаются и священники. Но сами по себе, исключительно своими силами они ничего сделать не могут. Все совершает Бог. Вспомните: конец 1980-х, в обществе происходили глубинные перемены, праздновалось тысячелетие Крещения Руси. Это было удивительное время, настоящая духовная весна! Сколько людей обратилось тогда к Богу!

Мне выпала в свое время честь служить в единственном храме на громадной территории, простирающейся от Красноярска до Ледовитого океана. Но была и миссионерская деятельность. Еще в 1984-м мы вместе с матушкой инкогнито ездили на Таймыр и в Норильск, служили там литургию, совершали Таинства, общались с людьми на квартирах и в общежитиях. Разумеется, в конце концов все раскрылось и власти нашу деятельность пресекли. В то время это была закрытая зона, куда можно было ездить только по специальным разрешениям. Вот эти-то разрешения мы и перестали получать. Завели даже уголовное дело, и я оказался под следствием.

В 1987 году я впервые посетил осужденного в зоне. Человек обокрал нас, потом состоялся суд. Мы простили вора, но его все-таки посадили. В принципе, и тогдашнее законодательство предусматривало возможность посещения осужденных пастырем, но для этого следовало заручиться согласием крайисполкома, уполномоченного по делам религий и так далее. Эта довольно долгая процедура завершилась тем, что я оказался в зоне особого режима, среди «полосатиков». Там я исповедовал и причастил этого человека.

С 1989 года мне довелось посетить много зон, следственный изолятор и тюрьму. Лет двадцать этим занимался. Главное — относиться к сидельцам не как к заключенным, а точно так же, как ко всем остальным людям. Необходимо любить их, не разговаривать с ними свысока и не заниматься пустым нравоучительством (этого они терпеть не могут!). Духовник должен научиться им верить

и добираться до тех Божиих первооснов, которые непременно заложены в каждом человеке, даже если сам он их всячески отвергает.

В 1989 году один осужденный с усмешкой бросил: «Поп будет, да? Ладно, пойду послушаю, про что он врет!» Затем стал ходить регулярно, уверовал. На зоне выстроил храм — у него золотые руки были. Мы ходатайствовали о его помиловании, и он вышел на свободу досрочно, а затем целиком или частично построил семь храмов! Потом произошла канонизация новомучеников российских. Читаем списки и доходим до строки: «Николай Гашев, исповедник». Такое же имя и такую же фамилию носил и тот зэк. Он написал родственникам в Москву, и выяснилось, что канонизирован его прадед. «Теперь, — говорит, — я понял, почему я строю храмы!» Человек больше двадцати лет провел в тюрьмах и лагерях, начав с разбоя еще в отроческие годы, и, оказывается, был правнуком священноисповедника!

С 1990 года мы стали ходить в школы. В двадцатитысячном Енисейске Закон Божий, который мы тогда называли «уроками Библии», изучался почти повсеместно. Преподаванием занимался и я, и все мои братья. Тогда еще властвовала КПСС, но ее власть уже трещала по швам, и вообще было не до нас.

Одновременно я посещал студенческие аудитории в Педагогическом и Технологическом институтах в Лесосибирске, а затем последовал Красноярск, где позже я стал преподавать. Университетская аудитория всегда воспринималась мной как нечто свое, родное. Я ведь и сам ею вскормлен! Позже, уже в 1994-м, в Енисейске мы открыли гимназию.

Потом был казачий корпус, воинские части и миссионерские поездки. Сегодня на территории моего тогдашнего прихода располагаются несколько епархий — вся Ангара и Подкаменная Тунгуска... Постепенно открывались новые приходы, возникло благочиние. Передвигались на самолетах, на кораблях, на поездах и на автобусах. Впоследствии появились «нива» и прекрасный водитель, парень-афганец. Вместе с ним мы и накручивали по тайге эти тысячи километров. Сейчас он тоже батюшка.

Теперь вот в Хакасии служу и даже читаю на литургии Евангелие по-хакасски. Мне очень интересны эти люди, с ними приятно общаться, но этот малый открытый народ остро нуждается в духовном

и национальном возрождении. Конечно, за семьдесят лет существования СССР он в значительной мере утратил свою самобытность, но при этом не желает потерять ее окончательно. Пока у хакасов двоеверие: православие и шаманизм, но хотелось бы, чтобы возрождение народа происходило на христианской почве. Если бы такое случилось, я был бы счастлив!

Как видите, ни национальная или конфессиональная принадлежность, ни уровень образования, ни род занятий и место жительства, ни даже заключение и физическая несвобода — ничто не может помешать человеку сделать свободный духовный выбор и прийти к Богу, если он откроет для Господа сердце свое.

— *А как вы сами стали православным?*

— Я родился и вырос в благочестивой немецкой меннонитской¹ семье. В ней вера не присутствовала, в ней верой жили. Именно через веру воспринималось, ощущалось и совершалось все остальное.

Но мое окончательное, осознанное обращение к Богу произошло через по-кояние в одиннадцать лет, а потом, окончательно, в пятнадцать, когда имя Иисуса спасло меня от падения в адскую бездну. Затем, на пятом курсе, я встретился с православным рабом Божиим Игнатием Лапкиным. Он и ныне здравствует в Алтайском крае, теперь уже, правда, стар стал... Этот человек прекрасно знал Библию, любил ее и жил по ней. Для меня, конечно, это не было новостью — сам так вырос. Но тут было другое.

Когда я впервые о нем услышал, меня сразу же заинтриговали несколько вещей. Во-первых, я никогда не видел Библии в руках у православных. Прежде с этим не сталкивался. Во-вторых, я услышал, что он не стрижет бороду во исполнение слов, сказанных Господом Моисею: *Не порти края бороды твоей* (Лев. 19: 27), ведет аскетический образ жизни, а мяса не ест вовсе. Все это как-то внутренне меня взволновало и привлекло. В сознании сразу же возник образ древнего христианского подвижника, ведь я интересовался историей Церкви, читал соответствующую литературу и знал об отшельниках, подвижниках и мучениках. Мы отправились в Барнаул, где и произошла встреча, определившая всю мою дальнейшую жизнь.

Для начала Игнатий попросил меня истолковать евангельскую притчу о десяти девах (см. Мф. 25: 1—13), что для меня, разумеется,

не составило труда. Я охотно выполнил просьбу и тут же столкнулся с его горящим взглядом:

- Все, — говорит, — ересь!
- Как ересь? Почему?
- Что значит «девы уснули»?
- Утратили духовное бодрствование.
- А кто Жених?
- Христос.
- Почему же девы уснули?
- Потому что Жених замедлил.
- Так кто же виноват в том, что они уснули? Жених?

У меня перехватило дыхание... Не Христос же в самом деле виноват в том, что люди перестают духовно бодрствовать!

Игнатий предложил толкование этой притчи по Иоанну Златоусту, которое меня поразило.

— Мы, — заявил Игнатий, — даем ответы на все вопросы к Высшей Инстанции. Выше и быть не может!

Я подумал: «Так кто же может так говорить?!» Игнатий же между тем продолжал:

— А почему? Потому что вы открываете Библию и спрашиваете: «Как ты, брат, понимаешь?.. Как ты, сестра, понимаешь?..» А мы располагаем толкованием Священного Писания святых отцов!

Конечно же, я слышал об отцах Церкви, но не знал о том, что их труды сохранились и ими можно воспользоваться. Мне в то время были доступны лишь книги протестантских авторов.

Потом мы перешли к обсуждению вопроса о Крещении и прощении грехов. Игнатий показал по Писанию, что прощение происходит именно через Крещение. Я задумался: «А мои грехи прощены? Получается, нет! Тогда о чем вообще может идти речь? Значит, я не спасусь...»

Вот такой оказалась эта беседа. Внутри все пришло в движение, началась напряженная душевная работа.

Вскоре состоялась вторая судьбоносная встреча, на этот раз уже со святыми отцами. Что я имею в виду? Я тоже захотел получить ответы на все вопросы «Высшей Инстанции», которые находились у отцов Церкви. В голову закралась шальная мысль: «До революции в

Томском университете наверняка преподавалось богословие. А не попытать ли мне счастья в университетской библиотеке?»

Я зашел в читальный зал и принялся перебирать каталожные карточки. Августин и Амвросий Медиоланский, буква «А» — есть! «З» — Златоуст, нет... А нука, попробуем на «И» — Иоанн — есть! «Т» — Тертуллиан, тоже есть!

Я не мог поверить своим глазам. Оказывается, есть все! Я сделал заказ, и мне тут же принесли затребованные книги. В течение целого месяца у меня была возможность изучать писания святых отцов. Ничем другим в это время я не занимался: с утра до вечера сидел и читал Златоуста, Тертуллиана, Киприана и Амвросия. Не просто читал — я конспектировал их труды и, прикоснувшись к святоотеческим творениям, с тех пор потерял интерес к любым другим богословским книгам. Разумеется, и в них есть много стоящего, но тут действительно я встретился с настоящей глыбой.

Через месяц мне пришлось отправиться в деревню. Вскоре я вернулся, опять сделал запрос, а мне ничего не дают! Я заинтересовался причиной отказа. Отвечают:

- Это — книги из закрытого фонда.
- А где они были месяц тому назад?
- Все там же, в закрытом фонде.
- Но мне эти книги необходимы для научной работы!
- Обращайтесь к директору библиотеки.

Отправился к директору:

- Мне нужна такая-то литература.
- А для чего?
- Для научной работы.
- Тема вашей работы?
- История раннего христианства.
- С какой вы кафедры?
- Теоретической физики.

На этом наш разговор и закончился. Директор выразительно посмотрел на меня и предложил закрыть дверь с другой стороны. Научную работу я, естественно, выдумал. Но я же не обманывал — я действительно изучал историю раннего христианства! Теперь-то я понимаю, что именно Господь даровал мне в тот месяц это великое счастье.

После была и третья встреча. Теперь уже с православным священником Александром Пивоваровым, который стал моим духовным отцом. Если Игнатий разбил, то отец Александр исцелил... Но произошло это отнюдь не сразу: в моей душе происходила отчаянная борьба. Я долго бродил вдоль берега Томи и чуть не кричал в голос: «Господи, мне все равно: там или здесь, так или иначе! Мне надо, чтобы все происходило по Твоей воле! Я хочу душу свою спасти, а не погубить ее!»

Вдруг на глаза мне попала водонапорная башня, которую до этого я видел не одну сотню раз. Богом мне был дан ответ, и я воскликнул, как евнух из Эфиопии: *Вот вода; что препятствует мне креститься?* (Деян. 8: 36). Я тут же дал телеграмму отцу Александру, сообщив о своей готовности принять Крещение.

Так я стал православным христианином и никогда, ни на секунду, ни при каких обстоятельствах не усомнился в правильности своего выбора. Душа словно обрела надежный причал в тихой гавани. Я наконец ощутил полноту духовной жизни. Теперь я пребывал не в некоем подобии Церкви, а в самой Святой, Соборной и Апостольской Церкви, в которой вместе со мной пребывали христиане всех двадцати веков. Больше нас уже не разделяло ничто. Я пришел в православие через Библию, через творения святых отцов, через встречу с двумя удивительными людьми: Игнатием и отцом Александром, ставшими моими добрыми наставниками.

1

Меннониты - одна из протестантских деноминаций, получившая название от своего основателя, голландца Менно Симонса (1496-1561).

Я — свет миру (Ин. 8: 12): беседа о соединении со Христом

— *Отец Геннадий, мы с вами обсудили многие моменты, касающиеся Крещения...*

— Но вы не спросили меня о главном: о чем должны помнить люди, готовящиеся к этому Таинству?

— *О чем же?*

— О том, что они готовятся стать христианами, о **Христе**.

Как ни странно, в современной России слово «христианин» почти забыто, в лучшем случае говорят: «православные», а то и просто: «крещеные». О Христе же речь заходит крайне редко. А ведь

Крещение — это именно сочетание человека со Христом. Сложившуюся ситуацию можно сравнить с тем, как если бы перед свадьбой невесту интересовало все что угодно: и фасон подвенечного платья, и меню праздничной трапезы, и список приглашенных гостей, и красноречие тамады — все на свете, кроме жениха. Но всякое Крещение, которое не есть сочетание Христу, крещением не является. Погружение в воду действительно было, так ведь и на пляже все в воду погружаются, но это же не Крещение! *Во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3: 27). Поэтому лучше всего, если столь важный разговор начинается не с темы Крещения.

Вообще, по мнению многих ранних святых отцов, о Крещении и тем более о Причащении говорить изначально не следует. Необходимо свидетельствовать только об Иисусе Христе. Если это по-настоящему пронзит сердце человека, он непременно задаст вопрос: *Что мне делать, чтобы спастись?* (Деян. 16: 30). Вот тогда-то и должно последовать сказанное апостолом Петром: *Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа* (Деян. 3: 38).

Вот что очень-очень важно, поэтому гораздо более благодарным трудом является оглашение не в назначенный день в храме, а когда ты беседуешь с человеком, который случайно заглянул туда; когда тебя кто-то остановил где-нибудь на вокзале, когда ты заходишь в студенческую аудиторию и так далее. Вот там люди действительно задают вопросы о Боге, о вере, о Христе. А во время огласительных бесед — практически никогда.

Можно спросить у любого священника, у любого воцерковленного христианина: если не было искреннего покаяния у человека, пришедшего на Таинство Исповеди, если грехи не были исповеданы, если не был сотворен плод покаяния, если человек продолжает жить во грехе, будет ли грех отпущен, даже если священник прочитал разрешительную молитву? Мне еще не доводилось слышать иных ответов, кроме отрицательных. Нет, такой человек прощен не будет.

В Символе веры мы читаем: «Исповедую едино Крещение во оставление грехов». Но если не было оставления грехов, кто сказал, что Крещение состоялось? Ведь крещеные — это прощенные и помилованные, а возможно ли помилование без покаяния?

Поэтому грубейшим нарушением является Крещение нераскаявшихся людей, только раскаявшийся и обратившийся к Богу может быть крещен (помните, мы говорили об этом при обсуждении подготовки к Таинству Крещения человека, состоящего в «гражданском» браке?). Мы должны не рассуждать о Крещении и тем более не уговаривать креститься, а вновь и вновь призывать к покаянию.

Спрашиваю у пришедших на огласительную беседу: «Собираетесь ли вы изменить что-нибудь в своей жизни после Крещения?» Многие отвечают: «Да. Хотели ли бы теперь зажить как-то по-новому, что-то начать делать...» Но вообще-то, как правило, речь идет ни о чем. А ведь мы призваны прекратить потакать греху. А вот это-то, оказывается, в наши планы как раз и не входило! О том, чтобы стать ближе к Богу, чтобы Господь охранял нас и помогал нам, — об этом мы думали. А что касается оставления собственных грехов — это как-то и в голову не приходило. А ведь в этом и состоит смысл Крещения!

Однажды в XI веке к Константинопольскому патриарху Луке обратились турки-мусульмане, и вдруг выяснилось, что многие из них в детстве были крещены. Патриарх стал разбираться, в чем дело. Оказалось, в селениях, где они жили, турецкие бабки-знахарки заметили, что с крещеных лучше снимается порча, и посылали односельчан крестить своих детей. Те и крестились, оставаясь при этом мусульманами. Патриарх все это выслушал, признал Крещение недействительным и велел крестить их заново. Ведь в Таинстве человек отрекается от сатаны и от всех демонов его, а тут само Крещение, как оказалось, было принято исключительно ради того, чтобы соединиться с этими темными силами!

Сейчас, кстати, немного реже, а в 1980-х годах люди повально крестились именно потому, что без этого «бабка не берется лечить». Так кто же возьмет на себя смелость утверждать, что их Крещение состоялось? Что такое

Крещение — вода и ароматическое масло, освященное архиереем? Боюсь, что перед Богом эти люди окажутся некрещеными. Даже не отказавшимися от Крещения, не отрекшимися от него, а попросту некрещеными, потому что в момент совершения Таинства они не отрекались от сатаны и не сочетались со Христом. Они не

исповедали Символ веры, а лишь подверглись, по их мнению, некому магическому действию, которое должно было им в чем-то помочь.

Ни в коем случае нельзя превращать Крещение в сакральный ритуал, который действует сам по себе, вне зависимости от проявления свободной человеческой воли. Такого не бывает.

Следует осознать, что Крещение — это покаяние. Апостол Павел пишет: *Невозможно однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия* (Евр. 6: 4-6). Святитель Иоанн Златоуст прямо толкует, что под словом «покаяние» здесь имеется в виду Крещение, потому что покаяние может быть и вторым, и двадцатым, и двухсотым, а вот второго Крещения действительно быть не может.

В апостольские и ранние послеапостольские времена Крещение иногда так и называлось — покаянием. Сегодня это удивляет даже некоторых священников, искренне полагающих, что перед покаянием человеку следует креститься. Вот ты крещен — и теперь можешь каяться! Так в соответствующей поговорке телега ставится впереди лошади. Это тоже все очень значимо и важно: возможность Крещения дарована нам для **прощения** грехов! Каждому, приступающему к этому Таинству, предстоит пройти сквозь узкие врата в Царство Божие. В них невозможно не только въехать на автомобиле, но даже выпрямиться в полный рост, придется опуститься на колени, придется покаяться перед Господом и облечься во Христа. Только тогда мы становимся христианами, только в этом случае можем считать себя людьми крещеными, и никак не иначе. Но, как сказал Господь, *многие поищут войти, и не возмогут* (Лк. 13: 24). И об этом тоже надо помнить.

Наше спасение может произойти только силой Божией благодати, без нее все человеческие потуги окажутся тщетными. Кто-то сказал, что если апостолы несли благую весть, нам сейчас впору нести весть злую, то есть мы сначала должны сообщить людям, что дела их обстоят из рук вон плохо, и лишь после этого благая весть окажется ими востребована. Встречаясь с мирскими людьми, я не раз пробовал говорить с ними о Нагорной проповеди (см. Мф. 5: 1 — 7: 29; Лк. 6: 12-41) и с горечью убеждался в том, что должного результата мои

речи не приносили. Когда же я обращался к десяти заповедям, я видел, насколько живой отклик они находили в аудитории. А ведь десять заповедей — это в определенном смысле злая весть. Но только после разговора о десяти заповедях можно приступать к рассказу о Христе, о Евангелии, о Нагорной проповеди. Без них — бесполезно, потому что грех остается неочевидным.

Сейчас, через два тысячелетия после прихода на землю Спасителя, как бы парадоксально это ни звучало, десять заповедей вновь выступают на передний план. Именно о них мы вновь должны говорить. Человек должен увидеть себя грешным. Пока этого не произойдет, Христос ему будет не нужен. Для него Иисус останется просто очень интересной исторической личностью, философом и проповедником, не более того. Спасителем Он может стать только для погибающего, для того, кто воочию увидел, что такое грех и его последствия, насколько они ужасны и невыносимы. Лишь такому человеку по-настоящему нужен Христос и действительно необходимо Крещение. До тех пор пока он не увидел себя во аде, в Господе он не нуждается.

Самое страшное, что таких людей безбоязненно крестят и причащают. Вот только получается Крещение не во оставление, а в утверждение грехов. Если человек считает греховное состояние приемлемым и едва ли не естественным для себя, ни крестить, ни причащать его не следует. Когда наконец грех станет для него очевидным, он поневоле начнет искать выход. А выход всегда есть, и этот выход — Христос. Но путь к Нему лежит только через покаяние: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4: 17).

Нередко говорится о необходимости проведения священниками исповеди или покаянной беседы перед совершением Таинства Крещения. Но главное должны сделать не мы, а человек, который пришел в Церковь. Именно ему предстоит сотворить *достойный плод покаяния* (Мф. 3: 8), к чему призывал Иоанн Креститель.

Это покаяние должно полностью перевернуть всю нашу жизнь. У человека, облекшегося во Христа, нередко даже меняется круг общения. Многие прежние приятели отходят сами собой, зато появляются новые друзья. Так человек через Крещение —

покаяние, прощение и оставление грехов — сочетается со Христом и начинает жить в Церкви.

УДК 264-4 ББК 86.372 Ф 26

Геннадий Фаст, протоиерей Ф 26 Хорошо забытое Крещение.
— М.: Ни-кея, 2013. — 128 с.

ISBN 978-5-91761-190-7

С Крещения начинается полноценная жизнь человека в Православной Церкви. Но современный человек часто с подозрением относится к этой новой жизни. Ее польза для него неочевидна. В этой книге протоиерей Геннадий Фаст, священник с большим пастырским опытом, рассказывает о важных аспектах Крещения, основываясь на случаях из собственной практики, и отвечает на вопросы о том, что часто может оттолкнуть человека не только от Церкви, но и от Бога вообще.

Издание предназначено для тех, кто собирается принять Таинство, и для тех, кто хочет глубже понять его суть.

УДК 264-4 ББК 86.372

© Геннадий Фаст, протоиерей, 2013 © Издательство «Никея», 2013

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви № ИС11-114-1505

Художественно-публицистическое издание

Геннадий Фаст, протоиерей ХОРОШО ЗАБЫТОЕ КРЕЩЕНИЕ

Редакторы *Екатерина Зайцева, Татьяна Сергиенко* Дизайн обложки *Антон Героев* Художественный редактор *Анна Савостьянова* Корректоры *Елена Степанова*

Подписано в печать 25.04.2013.

Формат 70x90 ¹/₃₂

Бумага офсетная. Гарнитура OctavaC.

Печать офсетная. Печ. л. 8.

Тираж 5000 экз. Заказ №

Издательство «Никея»

121471, Москва, ул. Рябиновая, стр. 19

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел:

Тел.: (495) 416-80-41; edit@nikeabooks.ru Отдел продаж:

Тел.: (495) 600-35-10; sales@nikeabooks.ru Оптовая система закупок «Книгосвод»

Тел.: (495) 600-35-10; www.knigosvod.ru Розничный интернет-магазин: www.symbooks.ru

Тел.: (495)510-84-12; sales@symbooks.ru